

Арсений, архиеп. Волоколамский. В стране священных воспоминаний: (Описание путешествия в Св. Землю, совершенного летом 1900 года Арсением, еп. Волоколамским, Ректором Московской Духовной Академии, в сопровождении некоторых профессоров и студентов) // Богословский вестник 1901. Т. 1. № 4. С. 665—715 (2-я пагин.). (Продолжение.)

ВЪ СТРАНѢ СВЯЩЕННЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ. ¹⁾

(Описание путешествія въ Св. Землю, совершеннаго лѣтомъ 1900 года преосвященнымъ Арсеніемъ, епископомъ Волоколамскимъ, Ректоромъ Московской Духовной Академіи, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ профессоровъ и студентовъ).

6-е Іюня. Вторникъ. Въ Царь-градѣ.

Изъ Св. Софіи, по программѣ осмотра Константинополя, нашъ путь лежалъ къ святынь современнаго Константинополя—греческому монастырю Балукли. Но недалеко отъ Софіи необходимо было осмотрѣть историческую площадь, Ат-Мейданъ, т. е. конскую площадь, имѣющую въ настоящее время 250 шаговъ въ длину и 150 въ ширину. Пустынная, заброшенная площадь, съ тремя убогими памятниками, въ свое время имѣла большое значеніе: здѣсь былъ византійскій ипподромъ. На немъ императоры выступали на ристалищахъ во главѣ той или другой партіи возницъ, отличавшихся другъ отъ друга различными цвѣтами, и вѣнчали побѣдителей. На ристанія собирались всѣ византійцы, конкурируя между собою въ роскоши и великолѣпнн одежды. Здѣсь же совершались и государственные перевороты. Михаилъ и Андроникъ, изъ династн Комненовъ, погибли на этой площадкѣ. Она-же была залита кровью 40 тысячъ во время возмущенія партіи цирка при Юстиніанѣ. Въ новѣйшее время (4 іюля 1826 г.) на ней произошло грозное избиеніе янычаръ. Теперь только стоящіе недалеко другъ отъ друга на прямой линіи три обнесенные рѣшеткою памятника говорятъ о ея историческомъ значеніи. Эти памятники: обелискъ Θεодосія, змѣиная колонна и каменная пирамида Константина Багрянороднаго—одиноко

¹⁾ Продолженіе. См. Мартъ стр. 493—531.

стоять среди совершенно запущенной и отчасти застроенной бывшей площади ипподрома и наводят зрителя на грустные мысли. Лучшее двухъ другихъ памятниковъ сохранился обелискъ Θεοδοσία. Обелискъ этотъ представляетъ собою пирамидальную колонну въ 14 саж. высоту, изъ цѣльнаго Фивскаго гранита, находившуюся ранѣе въ храмѣ солнца въ Иліополѣ и исписанную со вѣхъ сторонъ прекрасно сохранившимися іероглифами. Онъ былъ сдѣланъ въ 1000 г. до Р. Хр. фараономъ Тотмосомъ, а на площади Византіи поставленъ на пьедесталѣ, грубо украшенномъ барельефами, въ 390 году, императоромъ Θεοδοсіемъ. Слѣдующій, болѣе замѣчательный памятникъ, почти наполовину ушедшій въ землю, змѣиная колонна, поддерживавшая въ свое время, какъ говорятъ, сѣдалище Πηνειν въ Дельфійскомъ храмѣ,—обѣтное приношеніе грековъ послѣ побѣды надъ персами,—и вывезенная оттуда Константиномъ Великимъ. Ее образуютъ три змѣи, сплетшіяся 29-ю кольцами каждая. Головы змѣй теперь не существуютъ: ихъ, рассказываютъ мусульмане, отрубилъ Магометъ 2-ой. Вокругъ памятника кучи камня, — бросаютъ ихъ сюда фанатики-мусульмане. Третій памятникъ ипподрома—громадная (25 метровъ) полуразрушенная колонна Константина Багрянороднаго († 959 г.). Въ прежнее время она была сверху до низу покрыта рельефными листами изъ позолоченной бронзы, но латинскіе крестоносцы сняли всю обшивку, такъ что въ настоящее время видны только камни, скрѣпленные желѣзомъ, а вся колонна вообще имѣетъ жалкій видъ. Осмотрѣвши Ат-Мейданъ съ его оставшимися памятниками, мы сѣли въ коляски, и по узкимъ, кривымъ улицамъ, обставленнымъ высокими домами, своеобразной восточной архитектуры, большею частью деревянными, съ выступившими балконами, прилѣпленными точно гнѣзда къ домамъ, съ занавѣшенными, а то и закрытыми частыми плетенками окнами, направились далѣе за городъ къ греческому монастырю Балукли. Нашъ кортежъ изъ шести экипажей, во главѣ съ Преосвященнымъ, съ кавасомъ на козлахъ имѣлъ торжественно-церемоніальный видъ. Да и мы, въ своихъ форменныхъ одеждахъ со свѣтлыми пуговицами, представляли большой предметъ любопытства даже для апатичныхъ турокъ. По дорогѣ намъ прежде всего встрѣтился памятникъ, именуемый „погорѣвшею“ колонною Константина Великаго.

Она состояла изъ девяти цилиндровъ, опоясанныхъ каменными лавровыми вѣнками, такъ что имѣла видъ памятника изъ цѣлаго камня, украшеннаго вѣнцами. На этой колоннѣ, какъ гласитъ путеводитель, находилась сначала бронзовая статуя Аполлона, голова котораго впоследствии замѣнена была бронзовымъ изображеніемъ Константина Великаго. Въ царствованіе Алексѣя Комнена, статуя, капитель и часть колонны были разрушены молніею, отчего она и называется „погорѣвшею“. Дорога отсюда шла чисто турецкою частью города, почти параллельно берегу Мраморнаго моря, такъ какъ по пути мы намѣревались посѣтить бывший Студійскій монастырь, нынѣ мечеть Михоръ-джами, находящуюся на югѣ Стамула, недалеко отъ золотыхъ воротъ. На улицахъ такое-же оживленіе, какъ и въ Галатѣ. Только шуму здѣсь меньше, да рѣже чѣмъ тамъ встрѣчающіяся турчанки плотнѣе закутаны въ свои фередже съ менѣе прозрачными яшмаками; за то сильные, красивые турки съ мало-выразительными лицами—здѣсь на каждомъ шагу; они днемъ живутъ на улицѣ: здѣсь работаютъ, ѣдятъ и отдыхаютъ. Часто видишь турка, развалившагося на скамейкѣ около своего дома и опочивающаго мирнымъ сномъ. Здѣсь же суетится и разносчикъ съ походною жаровнею, приготовляющій кушанья. На улицахъ же расположились сапожники, портные, тутъ же и кофейни, постоянно полныя турками, покуривающими кальянъ и глубокомысленно созерцающими бульканье воды въ графинѣ. На наше привѣтствіе, которое мы посылаемъ изъ своихъ экипажей, пользуясь знаніемъ 4—5 турецкихъ словъ, почти всѣ турки, за исключеніемъ только чалмоносныхъ имамовъ, вообще сурово косящихся на иностранцевъ, отвѣчаютъ или также привѣтствіемъ, или „московъ тайбъ“, „русс-карошъ“, осканивая при этомъ чудные бѣлые зубы. Часто попадаются навстрѣчу и негры. Издали кажется, что двигается цѣлый домъ: взглядываешься, и оказывается, что это гамаль-негръ, навьюченный безчисленными узлами и корзинами. Веревки, связывающія ношу, у него въ рукахъ и зубахъ: на патлитомъ лицѣ сверкаютъ ослѣпительной бѣлизны зубы и бѣлки глазъ. Это—самый удобный способъ перемѣшенія тяжести, въ виду необыкновенной узости улицъ. Другой негръ или арабъ, подпрыгивая, бѣжитъ, держась за хвостъ лошади, отданной имъ на прокатъ на нѣсколько часовъ туристу,

осматривающему городъ. Такихъ лошадей много на биржѣ, и проводнику ихъ или хозяину приходится по нѣскольку часовъ бѣгать по городу, держась за хвостъ лошади. Нашъ возница дѣлаетъ намъ какіе-то знаки, но мы ничего не понимаемъ. Тогда подходитъ о. Г. и объясняетъ, что дорога въ этомъ мѣстѣ улицы такова, что удобнѣе на всякій случай вылѣзть изъ экипажа и пройти нѣсколько шаговъ пѣшкомъ. Такъ мы и сдѣлали, и, какъ потомъ увидѣли, вполне благо-разумно, такъ какъ улица уступами пошла вверхъ, экипажъ каждую минуту могъ оборваться назадъ и только привычныя лошади преодолѣли трудность. Сѣвъ снова въ экипажъ, мы тронулись далѣе. Улицы узки по прежнему, а мѣстами и темны, такъ какъ вслѣдствіе скученности населенія и тѣсноты пространства, дома громоздятся другъ на друга, при чемъ постепенно расширяющіеся верхніе этажи ихъ иногда образуютъ надъ улицей точно вродѣ свода или навѣса, загораживающаго солнце. Въ этихъ домахъ съ закрытыми окнами — ни жизни, ни движенія: словно тамъ все вымерло. Эта таинственность подзадориваетъ любопытство и невольно заставляетъ играть воображеніе, для котораго вообще много пищи на востокѣ, гдѣ достаточно недоговореннаго, таинственнаго... Наконецъ, мы очутились у полуразрушенной мечети Михоръ-джами, утопающей въ зелени. Молодой турокъ лѣниво отомкнулъ предъ нами дверь и пропустилъ впередъ, не предложивъ даже надѣть бабуши или снять сапоги. Въ мечеть она обращена изъ церкви св. Іоанна Крестителя, которая была основана, согласно преданію, въ 463-емъ году патрищемъ Студіемъ. Возникшая здѣсь затѣмъ Студійская обитель имѣла въ свое время большое значеніе для православія и, въ частности, для Россіи. По принятіи православной вѣры Христовой нашими благочестивыми предками, между Кіевскими княжными людьми и греческими учеными подвижниками Студійскаго монастыря установились самыя близкія и сердечныя отношенія. Изъ Студійскаго монастыря заимствованъ былъ нашъ церковный уставъ. „Изъ того бо Студійскаго монастыря въ Русь послали много книгъ— уставъ, тріодъ и иныя книги“ (Путеш. Новгород. арх. Антонія въ Царь-градъ въ 12 в., стр. 103). Инокіи этого монастыря такъ славились своею жизнью, ученостью и ревностью по православію, что ихъ обитель справедливо называли: „зна-

менитымъ и преславнымъ училищемъ добродѣтели“, обителю „неусыпающихъ“. Она оказала большія услуги Церкви въ борьбѣ съ иконоборствомъ... Въ настоящее время эта знаменитая церковь, имѣющая правильную базиликообразную форму,—это почти единственныйъ памятникъ большой христіанской базилики на Востокѣ, по словамъ Кондакова, — представляется почти кучею развалинъ и несомнѣнно, что дни ея уже сочтены, мусульмане ее забросили. Особенно много пострадала она отъ послѣдняго землетрясенія. Полъ ея заваленъ камнями. Стѣны треснули, на нихъ ничего не сохранилось. Съ глубоко грустнымъ чувствомъ оставили мы эту мечеть, и снова запрыгали по убійственной мостовой; къ счастью, впрочемъ, прыгать на этотъ разъ пришлось недолго. Скоро мы выѣхали за городскую стѣну и поѣхали въ Балукли—къ живоносному источнику—по хорошей дорогѣ, поправленной недавно для германскаго императора, заѣзжавшаго по пути въ Палестину въ гости къ султану. Здѣсь на насъ сразу пахнуло просторомъ полей и свободой, недостатокъ которой особенно ощутителенъ въ скученномъ Стамбулѣ. Виды кругомъ совершенно измѣнились. Направо отъ насъ возвышались полуразрушенныя, но тѣмъ не менѣе грандіозныя стѣны древней Византіи, съ разставленными почти на одинаковомъ разстояніи другъ отъ друга круглыми, зубчатыми башнями. Налѣво убѣгали поля, на которыхъ по мѣстамъ стоялъ уже собранный хлѣбъ. По сторонамъ дороги высились красивые, стройные кипарисы. Кругомъ все тонуло въ зелени и залито было золотомъ горячаго полуденнаго солнца.

Подъ тѣнью платановъ, кипарисовъ и другихъ деревьевъ на небольшомъ возвышеніи спрятался монастырь Балукли съ чудотворнымъ живоноснымъ источникомъ. По входѣ во дворъ, мы увидѣли небольшую изящную греческую церковь. Построенная 70 лѣтъ тому назадъ, она сама по себѣ ничего особеннаго не представляетъ. Можно, впрочемъ, замѣтить нѣкоторыя особенности сравнительно съ русскими храмами: купола на ней нѣтъ, какъ и на другихъ современныхъ греческихъ церквахъ; колокольни также нѣтъ. Царскіе врата не выше 1½ арш. отъ полу. Въ храмѣ много сидѣній, расположенныхъ вдоль стѣнъ, съ востока на западъ. Съ лѣвой стороны находится возвышеніе, съ котораго читается евангеліе.

Эти особенности свойственны и другимъ греческимъ современнымъ храмамъ, и не онѣ привлекаютъ въ Балукли народъ. Влечетъ сюда туристовъ и паломниковъ самый чудотворный источникъ, о происхожденіи котораго Никифоръ Каллистъ передаетъ слѣдующее сказаніе. Существованіе этого источника открылъ небесный голосъ императору Льву Великому, бывшему тогда еще простымъ воиномъ, когда онъ, гуляя въ рощѣ и, желая утолить жажду слѣплого нищаго, просившаго у него пить, не находилъ кругомъ воды. Источникъ обладалъ, какъ оказалось, чудодѣйственною силою: нищій, напившійся воды, прозрѣлъ. Въ воспоминаніе о такомъ чудѣ, Левъ, сдѣлавшись императоромъ, соорудилъ на этомъ мѣстѣ великолѣпный храмъ ¹⁾ во имя Богоматери, а надъ „живоноснымъ“ источникомъ поставилъ икону Пречистой Дѣвы съ предвѣчнымъ Младенцемъ. Чудеса у живоноснаго источника совершались и въ послѣдующее время (Никифоръ Каллистъ подробно описываетъ 53 чуда). Храмъ Льва Великаго, нѣсколько разъ подновляемый, былъ окончательно разрушенъ турками послѣ взятія Константинополя. Къ этой же эпохѣ относится и происхожденіе теперешняго турецкаго названія живоноснаго источника — Балукли, т. е. источникъ рыбъ. Относительно этого названія рассказываютъ такую легенду. Когда, послѣ долговременной борьбы и рѣшительной осады, Константинополь былъ взятъ турками, объ этомъ сказали одному благочестивому старцу, жившему при живоносномъ источникѣ. Старецъ въ это время жарилъ на сковородѣ рыбу. „Только тогда повѣрю, отвѣтилъ онъ, что Константинополь взятъ, когда эти поджаренныя уже рыбки оживутъ и снова прыгнуть въ живоносный источникъ“. Такъ и случилось. Въ настоящее время живоносный источникъ находится въ небольшомъ храмѣ, куда спускаются по мраморной лѣстницѣ. Вода—свѣтлая, вкусная и спасительная для притекающихъ къ ней съ вѣрою. Преосвященный, приклонивши колѣна предъ иконою Божіей Матери, находящеюся за источникомъ, почерпнулъ изъ него ковшикомъ воды, напился ея и омочилъ ею свои глаза; примѣру его послѣдовали и мы. Въ водое-

¹⁾ По сказаніямъ другихъ (начиная съ Прокопія и кончая Кодинымъ) этотъ храмъ построилъ Юстиніанъ.

махъ плещутся двѣ рыбки съ золотымъ брюшкомъ (поджареннымъ); третья умерла и виситъ, какъ реликвія, предъ иконою Богоматери, стоящею надъ колодцемъ. Къ живоносному источнику приходятъ, говорятъ, молятся и турки, вѣрящіе въ его чудотворную силу. Предъ выходомъ, Преосвященный вписалъ въ существующую здѣсь поминальную книгу имена своихъ и нашихъ родныхъ и знакомыхъ—о здравіи и объ упокоеніи, давши при этомъ причту приличное пожертвованіе. Въ оградѣ около живоноснаго источника нѣсколько могилъ Константинопольскихъ патріарховъ, на которыхъ широкіе мраморные памятники съ надписями.

Изъ Балукли мы отправились на сѣверъ снова параллельно городской стѣнѣ. Переѣздъ до Адрианопольскихъ воротъ, которыми мы въѣхали въ городъ, довольно большой и скучный. Направо снова тянется полуразрушенная стѣна, нѣтъ—поля, кладбища, по сторонамъ—кипарисы. Недалеко отъ Адрианопольскихъ воротъ проѣхали мимо большого турецкаго кладбища, утопающаго въ зелени кипарисовъ, съ безчисленнымъ множествомъ облѣбующихъ надъ могилами каменныхъ столбовъ и плитъ. Столбы—надъ могилою мужчинъ; плиты—надъ могилою женщинъ; кладбище обнесено рѣшеткою, но страшно запущено: большинство памятниковъ наклонились на бокъ, другіе совсѣмъ валяются; на каждомъ турецкая надпись. Подъ тѣнью кипарисовъ гуляютъ турки и сидятъ кое-гдѣ турчанки. Лишь только мы въѣхали Адрианопольскими воротами въ городъ, какъ на насъ снова повѣяло со всѣхъ сторонъ восточною столицею: узкія улицы, повсюду собаки, разносчики, шумъ и оживленіе. По дорогѣ въ знаменитую нѣкогда Влахернскую церковь, заѣхали въ знаменитую въ настоящее время своими прекрасно сохранившимися отъ XIII вѣка великолѣпными мозаиками—мечеть Кахріэ-джами. Теперь она находится недалеко отъ Адрианопольскихъ воротъ, въ чертѣ города; въ прежнее же время находилась за городскими стѣнами, откуда и названіе ея Кахріэ—испорченное турками слово—*χώρα* (*Μονή τῆς Χώρας*), т. е. загородная обитель, загородный монастырь. Точныхъ историческихъ свѣдѣній о времени основанія этой церкви не имѣется. Всего вѣроятнѣе, что первоначально церковь во имя Спаса основана еще при императорѣ Юстиніанѣ, а современное пятикупольное зданіе сооружено при императорѣ Алексѣѣ Ком-

ненѣ въ XI вѣкѣ, хотя нѣкоторыя измѣненія и поправки производились и позднѣе. Что же касается прекрасно сохранившейся знаменитой мозаической живописи, покрывающей въ настоящее время стѣны нартексовъ и во многихъ мѣстахъ самого храма, то она, по мнѣнiю знатоковъ византiйскаго искусства, относится къ XI—XIII вѣкамъ. Обращена же эта церковь въ мечеть въ 1491 году.

Пяти-купольное зданiе мечети съ однимъ минаретомъ находится въ лоцинѣ между холмовъ, съ которыхъ открывается живописнѣйшiй видъ на Босфоръ съ его причудливыми домами, то утопающими въ зелени садовъ, то купающимися въ свѣтлыхъ водахъ пролива. Подѣхать къ ней нельзя, поэтому мы высадились изъ колясокъ и направилсь въ лоцину. На встрѣчу намъ вышелъ пожилой, въ зеленой чалмѣ, улыбающийся мулла. „Bon jour, bon jour, — говорилъ онъ, протягивая руку Преосвященному и вводя насъ въ мечеть, — ici miraculeux, charmant mosaïque—voilà“... Но указанiе было совершенно излишне. Со стѣны, надъ входомъ изъ вишшняго нартекса во внутреннiй, на насъ смотрѣлъ, какъ живой, величественный ликъ Спасителя, который нельзя не замѣтить сразу при входѣ въ мечеть. Мозаическое изображенiе Спасителя—погрудное и прекрасно сохранилось. Лицо Спасителя—круглое и обрамлено короткою бородою, правая рука сложена для благословенiя, а лѣвая поддерживаетъ большое евангелие. Вообще мозаика въ Кахрiэ-джами сохранилась преимущественно въ нартексахъ—внутреннемъ и вишнемъ, которые оказались ненужными послѣ того, какъ церковь была обращена въ мечеть (ходъ въ нее придѣланъ съ боку), а потому и пострадали отъ варварства турокъ менѣе всего. Есть мозаическая живопись и въ самомъ храмѣ въ центральномъ кораблѣ и 4-хъ куполахъ, но здѣсь она сохранилась гораздо хуже. Болѣе обращаетъ на себя вниманiя живопись нартексовъ и своею качественною стороною: она поражаетъ зрителя красотою и величiемъ ликовъ, живостью и гармонiею красокъ, правильностью, тонкостью и твердостью рисунка и тщательностью въ отдѣлкѣ аксессуаровъ, свидѣтельствующая о высокомъ достоинствѣ византiйской живописи XI—XIII вѣковъ, къ которымъ она несомнѣнно относится. Мы долго любовались мозаическою росписью нартексовъ. Здѣсь особенно обратили на себя наше вниманiе мо-

заическія изображенія верховныхъ апостоловъ Петра и Павла по сторонамъ входной двери (въ прежнее время называвшейся царскою), ведущей изъ внутренняго притвора въ церковь. Изображенія сдѣланы во весь ростъ и поражаютъ жизненностью и художественною правдою. Ап. Петръ съ маленькою головою, курчавыми сѣдыми волосами, загнутымъ носомъ и плотно сжатыми губами, и Павелъ съ коротко остриженными волосами, орлинымъ носомъ и узкою длинною бородою смотрятъ какъ живые и какъ-бы преграждаютъ входъ въ храмъ недостойнымъ. Турки, словно чувствуя это, повѣсили около этихъ изображеній деревянные щиты и закрываютъ ими смущающій ихъ ликъ апостоловъ во время своего богослуженія. Жизненною правдою и художественною вѣрностью дѣйствительности дышатъ и мозаическія картины, по мѣстамъ прекрасно сохранившіяся, изображающія различныя событія изъ евангелія, напримѣръ: умноженіе хлѣбовъ, бракъ въ Канѣ, воскрешеніе Лазаря, Рождество Христово, благовѣстіе Виѣлеемскимъ пастырямъ, Введеніе во храмъ, посѣщеніе св. Дѣвою Анны, путешествіе Маріи въ Виѣлеемъ, обличеніе Іосифомъ обручникомъ Маріи въ невѣрности, и др. Эта стѣнная живопись интересна не только художественностью исполненія, но и оригинальностью замысла. Такъ, на лѣвой сторонѣ наружнаго притвора изображается путешествіе Іосифа и Маріи въ Виѣлеемъ слѣдующимъ образомъ: на лѣвой сторонѣ явленіе ангела спящему Іосифу, далѣе по дорогѣ виднѣется группа: Маріи, Симона и Іосифа. Марія ѣдетъ на мулѣ, Симонъ несетъ пожитки. Марія, почувствовавъ приближеніе родовъ, протягиваетъ руки къ Іосифу и проситъ снять ее съ мула. Наконецъ, горный ландшафтъ. Справа—Виѣлеемъ. Въ него входитъ Марія въ сопровожденіи другой женщины, вѣроятно отыскивающей для себя помѣщеніе.—Вообще мозаика Кахріэ-джами, благодаря изяществу композиціи, блеску красокъ, чистотѣ работъ, производитъ прекрасное впечатлѣніе и заставляетъ убѣдиться въ томъ, что въ XI—XIII вѣкахъ, къ которымъ онѣ относятся, византійское искусство, вопреки распространенному мнѣнію, стояло на очень высокой степени развитія.

Мулла всюду ходилъ за нами и, въ сладкой надеждѣ на хорошій бакшишъ, всѣми силами старался быть полезнымъ. „Это—Іосифъ, это—Дѣва Марія,—говорилъ онъ ломаннымъ

французскимъ языкомъ,—это—пророкъ Давидъ, это — Христосъ, большой пророкъ. Моисей, Давидъ, Магометъ, Христосъ—всѣ пророки, мы всѣхъ почитаемъ“.

Съ чувствомъ удовлетворенной любознательности, но и со скорбю о настоящемъ положеніи славной нѣкогда обители, оставили мы ее. Съ именемъ ея связано много историческихъ воспоминаній. Въ ней находилась знаменитая икона Божіей Матери Одигитріи, писанная, по преданію, ев. Лукою, а при завоеваніи турками Константинополя разрубленная янычарами на 4 части. Тутъ заточены были, умерли и погребены: патр. Германъ при императорѣ Львѣ Исаврянинѣ и патр. Киръ исповѣдникъ при импер. Константинѣ Копронимѣ.

Отъ Кахріэ-джами недалеко и до знаменитой нѣкогда Влахернской церкви. Дорога идетъ, какъ и прежде, по узкимъ, но за то болѣе оживленнымъ улицамъ, такъ какъ населеніе здѣсь смѣшанное: преобладаютъ, впрочемъ, греки и армяне, обыкновенно разговаривающіе между собою такъ громко и съ такою отчаянною жестикуляціею, что такъ и кажется со стороны, что они сейчасъ вцѣпятся другъ другу въ волосы. На самомъ же дѣлѣ они—ни болѣе, ни менѣе, какъ мирно разговариваютъ.

Къ Влахернской агіасмѣ, находящейся на мѣстѣ древней церкви, мы ѣхали съ большимъ интересомъ. Эта знаменитая въ лѣтописяхъ Византіи церковь имѣла большое значеніе не только для Греціи, но и для Россіи. Въ великолѣпномъ храмѣ Влахернской Божіей Матери хранились риза и пояс Богородицы и чествовалась ея чудотворная икона. Сюда стекались благочестивые христіане для поклоненія святынямъ Влахернской церкви со всего Константинополя; въ источникъ при Влахернской церкви омывались всѣ византійскіе императоры предъ вступленіемъ на престолъ, при нарочито составленной для этого торжественнаго случая литіи. Влахернская церковь оказала вліяніе и на Россію. Когда Аскольдъ и Диръ—русскіе князья—стояли подъ стѣнами Царь-града, то хранившаяся здѣсь икона Богородицы была погружена въ воду, произошла буря, заставившая князей отступить, а потомъ принять христіанство. Во Влахернскомъ храмѣ, согласно преданію, Кіевскимъ мастерамъ были вручены Богоматерью деньги для сооруженія великой Печерской церкви и икона Ея Успенія со словами: „да намѣстная

та будетъ“. Тутъ же, во Влахернскомъ храмѣ, въ 910 году, во время всеобщаго бдѣнія, когда греки горячо и усердно молились Господу Богу и Его Пречистой Матери о ниспосланіи помощи свыше въ борьбѣ съ сарацинами, явилась Божія Матерь, въ сонмѣ ангеловъ, стоя на воздухѣ, осѣняя христіанъ честнымъ своимъ омофоромъ,—что удостоились видѣть св. Андрей юродивый и Епифаній. Въ память этого, какъ извѣстно, установленъ праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы. И нашъ академическій храмъ посвященъ Покрову Божіей Матери, почему Влахернскій храмъ явился для насъ сугубо дорогимъ. Въ настоящее время древняго знаменитаго храма нѣтъ, онъ уничтоженъ турками; (чудотворная икона Влахернской Божіей Матери, какъ извѣстно, находится въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ); осталась лишь незначительная часть стѣны, недалеко отъ которой небольшая церковка, сооруженная не особенно давно при посредствѣ „россовъ“, потомковъ тѣхъ „россовъ“, которые назадъ тому 1000 слишкомъ лѣтъ, вразумленные благодатію Божіею, ушли отъ стѣнъ Константинополя. Большая часть и иконъ пожертвована тѣми же „россами“. Храмъ небольшой. Подъ изображеніемъ Божіей Матери, въ юго-восточномъ углу, находится резервуаръ съ водою, нѣсколько кружекъ для питья и нѣсколько мѣдныхъ тарелокъ для „благочестивыхъ“ жертвованій. Это и есть агіазма. Влахернскій храмъ содержится грязно и обстановка его убога. При входѣ въ храмъ, встрѣтилъ насъ какой-то грекъ, оказавшійся потѣмъ псаломщикомъ; онъ былъ одѣтъ весьма небрежно, безъ верхней одежды, въ одномъ жилетѣ, въ широкихъ грязныхъ шароварахъ, нечесанный, и въ добавокъ—съ сильнымъ запахомъ чеснока. Помолившись предъ находящеюся надъ агіазмою иконою Божіей Матери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, испивъ воды изъ источника и положивъ на блюдо, по усердію, мы стали осматривать храмъ, который, впрочемъ, не представляетъ ничего особеннаго. Псаломщикъ же въ это время, войдя въ алтарь, преспокойно отдернулъ занавѣсъ и открылъ царскіе врата для Преосвященнаго. Такое безцеремонное небрежное обращеніе со святынею произвелъ на насъ крайне непріятное впечатлѣніе. Впослѣдствіи, впрочемъ, мы неоднократно убѣждались, что это, къ сожалѣнію, обычное явленіе у грековъ. Вскорѣ затѣмъ явился священникъ.

(Облачившись въ ветхія раздранныя ризы, сталъ служить молебень о нашемъ здравіи при участіи упомянутаго дьячка, который не счелъ нужнымъ пріакуратиться и надѣть верхнюю одежду. Оставшись же въ прежнемъ видѣ, расхаживая по церкви и поглядывая на входящихъ, онъ до такой степени уморительно бормоталъ про себя: „кир-лайсь, кир-лайсь“, что можно было опасаться, какъ бы ктонибудь, по непривычкѣ, не улыбнулся; но сознание святости мѣста удержало насъ отъ этого искушенія. ¹⁾ Преосвященный, записавъ въ „поминальную“ тетрадь имена о здравіи и упокоеніи, уплатилъ причту щедрое вознагражденіе за труды. Затѣмъ мы поспѣшили выйти, потому что было уже около 3-хъ часовъ дня, а еще оставался визитъ къ Патріарху. Туда мы и поѣхали изъ Влахернской. Дорога шла кварталомъ, заселеннымъ преимущественно греками. Дѣйствительно, послѣдніе, съ черными какъ смоль волосами и характерными большими носами, попадались здѣсь на каждомъ шагу. Всѣ они, какъ и турки, въ красныхъ фескахъ, но кромѣ того, многіе изъ нихъ въ широчайшихъ болтающихся сзади цѣлымъ мѣшкомъ шароварахъ, похожихъ скорѣе на женскую юбку, перехваченную около ногъ. Улицы здѣсь узки и грязны какъ вездѣ, но окна въ верхнихъ этажахъ домовъ не закурены; тутъ, наоборотъ, они вездѣ открыты; изъ нихъ высвываются смуглыя лица гречанокъ, глазѣющихъ на прохожихъ. Онѣ же въ довольно откровенныхъ костюмахъ виднѣются вездѣ, и на балконахъ, и на крышахъ домовъ. На наше привѣтствіе *χαίρετε*, отвѣчаютъ или скромными улыб-

¹⁾ Вообще теперешнее пѣніе Грековъ, какъ мы потомъ еще больше убедились, очень неблагозвучно, по крайней мѣрѣ на нашъ слухъ. Невольно спрашиваешь себя: гдѣ то слакозвучіе въ пѣніи, которое восхитило послонъ Владиміровыхъ въ Софіи во время богослуженія? И давно-ли оно стало художественнымъ? Должно быть давно. Вѣдь недаромъ, про древне-русскихъ паломниковъ, возвращавшихся изъ Царь-града и пѣвшихъ въ подражаніе грекамъ: *χίρα ἑλέησον*, говорили въ Россіи, что они куро-тесятъ,—какое выраженіе служитъ синонимомъ нестройности вообще. Впрочемъ, въ описаніи путешествія Антиохійскаго Патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII в. читаемъ: „Ничто меня такъ не восхищаетъ въ церквахъ Константинополя и окрестныхъ странъ, какъ пѣніе мальчиковъ, пѣніе ими „Святой Боже“ предъ чтеніемъ апостола, „Аллилуія“ послѣ евангелія (?) и „Господи помилуй“ во все время ектеніи, и прелесть ихъ сладкозвучныхъ напѣвовъ“ (Вып. I, стр. 31).

ками, или звонкимъ смѣхомъ, оживляющимъ ихъ правильныя, но скучныя лица, съ большими черными глазами.

Наконецъ мы остановились въ Фанарѣ, около монастыря св. Георгія, въ которомъ живетъ Вселенскій патріархъ

Вселенскій Патріархъ Константинъ V.

Константинъ V-й. Монастырь спрятали отъ окружающихъ патріархію суеты и шума подъ тѣнь деревьевъ. Насъ встрѣтилъ цѣлый штатъ служащихъ при патріархѣ. Патріархъ не заставилъ себя ждать. Едва лишь мы успѣли переодѣться въ привезенные съ собою парадные костюмы, какъ онъ пригласилъ къ себѣ. „Свѣтлѣйшій, величайшій, господинь,

князь и владыка, архіепископъ Константинополя, Новаго Рима и Патріархъ Вселенскій,“ какъ титулуются патріархи Константинопольскіе, Константинъ V Валиадисъ стоялъ при входѣ нашемъ, окруженный многими лицами мірскими и духовными посреди пріемной, сплошь увѣшанной по стѣнамъ портретами Константинопольскихъ патріарховъ. Это—представительный человѣкъ, выше средняго роста, на видъ очень бодрый, хотя ему подъ 70-ть, лицо пріятное, взглядъ нѣсколько строгъ. ¹⁾ Преосвященнымъ сказана была ему краткая привѣтственная рѣчь, въ которой онъ высказалъ общую радость нашу, что видимъ вселенскаго святителя и представителя православія въ мусульманской странѣ. При этомъ Преосвященный поднесъ Патріарху прекрасную, чеканной работы Лаврской, большую икону преп. Сергія. Приложившись съ благоговѣніемъ къ иконѣ, Его Блаженство отвѣтилъ тоже краткою привѣтственною рѣчью. Затѣмъ облобызавшись съ Преосвященнымъ и благословивъ каждого изъ насъ, пригласилъ всѣхъ сѣсть, причемъ Преосвященному предложилъ мѣсто противъ себя. Разговоръ начался обычными разспросами о здоровьи, о времени отъѣзда изъ Россіи, о пребываніи въ Константинополь, о дальнѣйшемъ путешествіи, о цѣли путешествія нашего на Востокъ. Послѣднимъ вопросомъ Его Блаженство, повидимому, очень интересовался, справедливо говоря, что путешествіе русскихъ архіереевъ на Востокъ является знаменательнымъ событіемъ, что въ интересахъ взаимнаго ознакомленія были бы желательны бо-

¹⁾ Константинъ V родился въ 1833 году, на о. Хиосѣ, отъ священника Николая Валиадиса и жены его Маріи. Первоначальное школьное воспитаніе получилъ подъ руководствомъ тогдашняго митрополита Хиосскаго Софронія, скончавшагося въ санѣ патріарха Александрійскаго, который отдалъ его въ мѣстную гимназію, затѣмъ въ Халкинскую богословскую школу, по окончаніи которой онъ поступилъ на богословскій факультетъ Аѳинскаго университета, гдѣ и пробылъ до 1862 г. Впослѣдствіи, въ 70-хъ годахъ, онъ слушалъ лекціи въ Страсбургскомъ и Гейдельберскомъ университетахъ. Служебное положеніе его связано съ личностію покровителя его патріарха Софронія, при которомъ онъ долгое время, въ санѣ іеродіакона и іеромонаха, находился въ качествѣ секретаря. Въ 1876 году онъ возведенъ былъ въ санъ митрополита Митленскаго, каковою епархіею управлялъ 18 лѣтъ. Въ 1893 году перемѣщенъ на кафедру Эфесскую, а въ 1897 году избранъ вселенскимъ патріархомъ на престолъ Златоуста и Фотія.

лѣе частыя путешествія русскихъ архіереевъ, равно какъ и греческихъ, во избѣжаніе разныхъ недоразумѣній. Соглашаясь съ этимъ и не касаясь вопроса о „недоразумѣніяхъ“, преосвященный Ректоръ засвидѣтельствовалъ, что Русская Церковь съ любовію относится къ своей Матери—Церкви, ибо она помнитъ съ благодарностію, чѣмъ она обязана Греческой Церкви. Затѣмъ Преосвященный Арсеній указалъ на то значеніе, какое имѣетъ въ дѣлѣ взаимнаго ознакомленія Церквей полученіе образованія греками въ русскихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. „Наша Московская Академія, говорилъ Преосвященный, называлась между прочимъ греческою, потому что она преобразована изъ училища, основаннаго греками, братьями—Лихудами. И теперь въ нашей Академіи есть студенты—греки, которыхъ мы считаемъ наравнѣ со своими“. Его Блаженство очень обрадовался, когда Преосвященный и профессора, на вопросъ его объ успѣхахъ грековъ—студентовъ, отвѣтили, что они занимаются хорошо и достаточно подготовлены къ слушанію академическихъ лекцій. Въ предѣлахъ этихъ вопросовъ вращалась большая часть бесѣды Его Блаженства съ Преосвященнымъ, а также и профессорами. Въ это время намъ подавали обычное угощеніе на Востокѣ: глико, т. е. варенье съ холодною водою и кофе. Подъ конецъ бесѣды, Преосвященный попросилъ у Патріарха разрѣшенія служить на Аѳонѣ ему и его спутникамъ—лицамъ духовнаго сана. При этомъ Преосвященный представилъ Его Блаженству указъ Святѣйшаго Синода о разрѣшеніи ему отправиться въ Іерусалимъ и на Аѳонъ, а также были представлены и свидѣтельства епархіальныхъ начальствъ, выданныя сопутствующимъ Преосвященному духовнымъ лицамъ, о томъ, что они не находятся подъ запрещеніемъ. Въ виду предстоявшаго вскорѣ освященія собора на Аѳонѣ въ Андреевскомъ скиту, Его Блаженство поинтересовался узнать, имѣлось-ли въ виду въ планахъ нашего путешествія присутствіе и участіе въ этомъ торжествѣ. Преосвященный отвѣтилъ, что прямою цѣлью путешествія является Палестина; но такъ какъ теперь представляется возможность, безъ значительной потери времени, отправиться на Аѳонъ, то мы и воспользуемся этимъ, а кстати будемъ и на торжествѣ освященія храма. Послѣ этого Его Блаженство сказалъ, что пришлетъ разрѣшеніе. При прощаніи Патріархъ

просить извиненія за скромное „восточное“ угощеніе стака- номъ холодной воды. Преосвященный на это отвѣтилъ, что Господь нашъ Иисусъ Христосъ обѣщалъ царствіе небесное тому, кто напоитъ жаждущаго чашею студеной воды, а Его Блаженство не только утолило нашу жажду тѣлесную, но— и духовную, напоивъ и напитавъ насъ словесами здраваго ученія и оказавъ ему и его спутникамъ такой любезный пріемъ. Отвѣтивъ на это тоже любезностію, Его Блаженство облобызался съ Преосвященнымъ, благословилъ насъ, пред- ложивъ при этомъ осмотрѣть заль синодальныхъ засѣданій и патріаршій храмъ,—что мы и сдѣлали.

Въ церкви, въ ожиданіи Преосвященнаго, собралось до- вольно много народу; здѣсь онъ встрѣченъ былъ архиман- дритомъ и другими духовными лицами, подъ руководствомъ которыхъ мы и осматривали храмъ. Церковь во имя св. Геор- гія устроена, какъ и всѣ греческія церкви, съ низенькими царскими вратами и мѣстами для сидѣнья, безъ солен. Въ алтарѣ вмѣсто завѣсы за царскими дверями устроена дере- вянная рама, передвигаемая на колесахъ по желѣзкамъ, прикрѣпленнымъ къ иконостасу. Иконостасъ рѣзной и по- чернѣлъ отъ времени; двѣ большія иконы Спасителя и Бо- жіей Матери — мозаическія и довольно древнія. Предъ мѣстными иконами большіе подсвѣчники. На лѣвой сто- ронѣ церкви у задняго столба устроена каѳедра для чте- нія евангелія, на которую восходятъ по витой лѣст- ницѣ. Изъ достопримѣчательностей здѣсь показываютъ: часть столба, къ которому, по преданію, былъ привязанъ Христосъ Спаситель во время бичеванія; богато украшенную перламутомъ, слоновою костью и позолотою деревянную каѳедру съ темно-зеленымъ бархатнымъ сидѣньемъ, при- надлежащую будто бы св. І. Златоусту, — принесена она сюда изъ Софійскаго храма; останки мощей, заключен- ныхъ въ три ковчега, со стеклянною верхнею крышкою, поставленные на одномъ столѣ. Въ этихъ ковчегахъ видны совершенно открытыя почернѣвшія кости св. мученицы Евнімии, Теофанія, жены Льва Мудраго, и матери Маккаве- евъ — Соломіи. Помолвившись въ храмѣ и осмотрѣвъ его, мы вышли, пробывъ въ патріархіи всего около часу. Преосвященный, внеся приличную лепту на поминовеніе, поблагодарилъ сопровождающихъ насъ за ихъ любезность,

прося передать еще разъ благодарность и Его Блаженству за сердечный пріемъ. Выходя изъ патріархіи боковою калиткою, мы замѣтили прямыя ворота заложеными наглухо: намъ объяснили, что это—тѣ ворота, на которыхъ мученически былъ повѣшенъ турками въ 1821 году патріархъ Григорій V; съ тѣхъ поръ ворота и заложены.

По дорогѣ изъ Фанара мы мимоходомъ посѣтили нѣсколько турецкихъ мечетей: Сулейманію, Баязидію, Ахмедію. Всѣ эти мечети, какъ и большинство турецкихъ мечетей, въ планѣ подражаютъ Св. Софіи и выстроены въ византийско-мавританскомъ стилѣ. Болѣе другихъ обратила на себя вниманіе и понравилась намъ мечеть Ахмедію. Съ своими бѣлыми, выпуклыми куполами, и высокими, стройными шестью минаретами, она очень красива.

Было уже четыре часа слишкомъ, когда мы, отягченные обиліемъ разнообразныхъ впечатлѣній, изнуренные отъ жары, пришли на подворье, у подъѣзда котораго ожидалъ насъ добрѣйшій о. Евгенийъ, давно, какъ оказалось, высматривая насъ и беспокоясь о нашей усталости и отсутствіи аппетита.

— Не устали-ли? Вѣроятно и кушать не сможете отъ усталости. Пойдемъ-те, пойдемъ-те, авось явится и аппетитъ. А я, искушеніе, давно уже все приготовилъ. Жду, жду,—нѣтъ! Что за искушеніе? думаю себѣ. Не случилось-ли чего? Тутъ недолго до искушенія. Ну, и слава Богу, что все благополучно!

Послѣ обѣда всѣ разбрелись по своимъ номерамъ отдыхать, или записывать впечатлѣнія. Во время чаю зашелъ къ намъ мнимый докторъ съ парохода „Николай“, Николай Артемьевичъ Ивановъ.

— Здравствуйте, здравствуйте, докторъ! привѣтствовали мы его, какъ будто уже давно-давно знакомаго.

— Помилуйте, господа, ради Бога, за что вы меня въ доктора произвели,—ей Богу я не докторъ.

— Какъ не докторъ?

— И агентъ пароходнаго общества, а совсѣмъ не докторъ.

— Ну тѣмъ лучше,—успокоили мы его. У насъ свой докторъ есть, въ услугахъ котораго мы покаместъ не нуждаемся, а вотъ въ агентъ мы несомнѣнно будемъ имѣть нужду.

Добрѣйшій Николай Артемьевичъ обѣщаль намъ всяческое содѣйствіе въ смыслѣ удобствъ на пароходѣ, — каковое обѣщаніе онъ дѣйствительно и исполнилъ.

Въ 7 часовъ вечера отдалъ Преосвященному визитъ посоль И. А. Зиновьевъ, прибывшій вмѣстѣ съ первымъ драгоманомъ посольства П. В. Максимовымъ, весьма извѣстною личностью въ Турецкой столицѣ, особенно послѣ того, какъ онъ во время армянской рѣзни, съ опасностію для жизни своей, спасъ Оттоманскій банкъ.

7-е Іюня. Среда. На Принцевыхъ островахъ.

Уставши послѣ вчерашнихъ трудовъ, мы сегодня проспали, кажется, болѣе, чѣмъ полагается любознательнымъ туристамъ, не смотря на невообразимый „шабашъ“, происходившій въ окружавшихъ подворье кафе-шантанахъ до глубокой ночи, а также и—на разнообразнѣйшіе крики разносчиковъ съ самаго ранняго утра. Напрасны были приглашенія добраго о. Евгенія, нѣсколько разъ ходившаго по нашимъ померамъ и апеллировавшаго къ нашимъ желудкамъ. Возбудилъ насъ отъ сна знакомый гласъ Преосвященнаго, апеллировавшаго къ нашей любознательности, въ виду предположенной сегодня по маршруту поѣздки на Принцевы острова. Вскорѣ всѣ собрались мы въ столовой къ большой радости радушнаго о. Евгенія. Напившись чаю и подкрѣпившись, мы, въ сопровожденіи посольскаго каваса и даннаго намъ въ проводники іеродіакона Серафима, направились къ пристани.

Пароходная пристань для дачниковъ находится около деревяннаго моста изъ Галаты въ Стамбуль. Черезъ мостъ мы попали на турецкій пароходикъ, отправляющійся на Принцевы острова. Около парохода толкотня. Принцевы острова—эти корзины съ цвѣтами, раскинутыя по Мраморному морю, по образному выраженію одного писателя-путешественника—считаются лучшими дачными мѣстностями подъ Константинополемъ, и туда поэтому всегда отправляется масса народу. О. Серафимъ взялъ билеты и мы, переходя съ одного парохода на другой, попали наконецъ на „свой“ пароходъ который былъ совершенно полонъ публикою, такъ что мы съ трудомъ отыскали на немъ мѣста; а одинъ изъ нашихъ

попалъ, въ поискахъ за мѣстомъ, даже въ гаремъ, т. е. въ существующее на каждомъ турецкомъ пароходѣ отдѣленіе для турецкихъ дамъ, къ великому ужасу этихъ послѣднихъ. Вскорѣ нашъ пароходъ, лавируя между другими, быстро побѣжалъ впередъ. По мѣрѣ нашего удаленія отъ берега, все больше и больше обрисовывался городъ съ своими сотнями стройныхъ минаретовъ, убѣгающихъ въ далекое небо; залитой яркими лучами палящаго солнца, онъ былъ несомнѣнно очень красивъ; но теперь, когда мы узнали его ближе, онъ казался подкрашеною красавицею; непосредственность перваго впечатлѣнія отъ Константинополя исчезла. За то мы теперь съ большимъ интересомъ разсматривали городъ, выдающіяся зданія котораго были уже намъ нѣсколько знакомы, соединяя съ ними тѣ или другія опредѣленныя представленія. Господствовавшая по ту сторону Золотаго Рога надъ городомъ красивая Галатская башня оживляла въ воображеніи картины, которыя можно наблюдать кругомъ ея, въ Галатѣ: шумъ, давку, толкотню, невообразимую смѣсь костюмовъ и національностей. Вотъ утопающія въ зелени кипарисовъ красивыя зданія Серая, Серай-Бурну, мысъ Серая, а вотъ и Св. Софія, увѣнчанная блестящимъ на солнцѣ полумѣсяцемъ...

Нашъ пароходъ прошелъ мимо стоящей на водѣ Леандровой башни, съ которою восточная фантазія соединяетъ много романическихъ легендъ и, обогнувъ мысъ Стамбула, входитъ въ Мраморное море. Галата и Пера скрываются постепенно изъ нашихъ глазъ. Былъ виденъ только тонувшій въ зелени Стамбулъ за грандіозною полуразрушившеюся красивою стѣною, раскинувшеюся по самому берегу вѣчно плещущагося у ея основанія моря. Мы проплываемъ мимо Скутари, мимо знаменитаго Халкидона и „виноградника вдовницы“, который отстоялъ Іоаннъ Златоустъ. По пароходу снуютъ разносчики. Въ ушахъ то и дѣло раздаются ихъ назойливые крики: „соукъ-су (холодная вода), крионеракъ (свѣжая вода), неро (вода), Stamboul, Levant-Herold, *Νεόλογο*, Served, *Ταχύδρομος*, Moniteur Oriental (названія мѣстныхъ газетъ)“. Вдали показались Принцесы острова, но различить еще было нельзя: они сливались всѣ вмѣстѣ въ одинъ большой островъ.

На палубѣ парохода разговорились съ однимъ грекомъ,

знающимъ русскій языкъ. Узнавъ, что мы ѣдемъ на о. Халки и думаемъ сдѣлать визитъ бывшему Іерусалимскому патріарху Никодиму, грекъ оживился. Онъ—поклонникъ Никодима, хотя „наши вообще, говорилъ онъ, и не любятъ его; но это замѣчательный человекъ. Онъ только семь лѣтъ ¹⁾ былъ на патріаршей (Іерусалимской) кафедрѣ, но сколько онъ сдѣлалъ для своей патріархіи и для греческой Церкви! Это—человекъ неутомимой энергіи. Онъ вступилъ на патріаршій престолъ при самыхъ неблагопріятныхъ для плодотворной дѣятельности обстоятельствахъ... Сколько стоило ему хлопотъ, чтобы привести дѣла патріархіи въ порядокъ! Сколько было нападковъ на него, особенно со стороны тѣхъ, которые были удалены имъ за разныя темныя дѣла! Они распускали про патріарха всевозможныя клеветы. Онъ не обращалъ на это никакого вниманія и работалъ: поправилъ финансовыя дѣла патріархіи, построилъ много храмовъ, оживилъ миссіонерское дѣло въ противодѣйствіе иновѣрной пропагандѣ, заботился объ улучшеніи православныхъ школъ, — однимъ словомъ, много хорошаго онъ сдѣлалъ для Іерусалимской патріархіи. И въ концѣ концовъ, въ благодарность за все, принужденъ былъ отречься отъ престола, послѣ покушенія, къ счастью неудачнаго, на его жизнь. Теперь безвыѣздно отшельникомъ живетъ на Халки“. Въ разговорахъ съ грекомъ, мы незамѣтно доѣхали до острововъ, ясно обрисовывавшихся уже предъ нами съ своими волнообразными горами, то покрытыми густою растительностью и населенными, то скалистыми, голыми и пустынными. Всѣхъ острововъ девять: изъ нихъ населены только четыре: Проти, Антигона, Халки и Принкипо или Принцевъ. Въ настоящее время населеніе острововъ самое разнообразное. На нихъ есть нѣсколько греческихъ монастырей, почти запущенныхъ и съ малымъ числомъ монаховъ. Самый населенный—Принкипо. Мѣстопробываніе патріарха Никодима—о. Халки; здѣсь же находится единственная въ Константинопольской патріархіи высшая богословская школа, въ родѣ нашей духовной семинаріи. Проѣхавъ мимо скалистаго Проти, мы остановились у Антигоны, гдѣ слѣзали нѣкоторые пассажиры. Съ парохода прекрасно были видны полу-восточные, полу-европейскіе дома

1) съ 1883—по 1890 г.

острова, громадныя отели, носящіе, большею частію, имена крупныхъ европейскихъ городовъ. У раскрытаго окна одного дома сидѣлъ бывшій Константинопольскій патріархъ, полуслѣпой Неофитъ, живущій здѣсь на покоѣ въ собственномъ домѣ. Тутъ же живетъ и другой отставной патріархъ Анѳимъ. Отъ Антигоны недалеко до о. Халки, за которымъ виднѣется коническая вершина утопающаго въ зелени и густо заселеннаго Принкипо. Халки, кажется, кто-то называлъ жемчужною Мраморнаго моря. И дѣйствительно: это—красивѣйшій изъ Принцевыхъ острововъ! Его волнообразно-гористые берега, вѣчно купающіеся въ голубыхъ водахъ Мраморнаго моря, сплошь покрыты зеленою густою растительностью. Выглядывающіе по мѣстамъ изъ зелени восточныя домики придаютъ острову оживленіе. Изъ домовъ острова прежде другихъ бросаются въ глаза пріютившіяся на вершинѣ одной изъ горъ острова и господствующія надъ окрестностью зданія „училища великой церкви“, какъ называется здѣшняя греческая семинарія, и коммерческое училище.

У пристани, гдѣ остановился нашъ пароходъ—громадное морское турецкое училище. Около него ютится нѣсколько домиковъ веселыхъ и чистыхъ, сравнительно съ Константинопольскими, за ними подъемъ въ гору, по которой кое-гдѣ зеленѣются невысокія кудрявыя сосны. Отъ пристани до патріарха Никодима мы отправились пѣшкомъ. Монастырь св. Георгія, въ которомъ живетъ въ настоящее время бывшій Иерусалимскій патріархъ, находится среди зелени на небольшомъ возвышеніи, съ котораго открывается чудный видъ на словно застывшее подъ знойными лучами солнца голубое Мраморное море, сливающееся вдаль съ такимъ же небомъ.

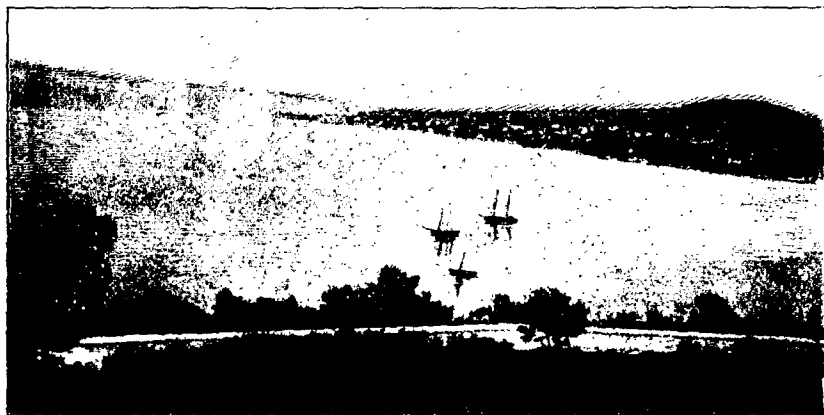
Патріархъ насъ принялъ очень любезно и по-русски гостепріимно. Видъ у него—внушительный: высокаго роста, довольно плотный, съ крупными чертами лица, обросшею сѣдою бородою, съ выразительными большими и нависшими надъ ними бровями,—онъ производитъ очень внушительное впечатлѣніе. Хотя ему за 70-ть лѣтъ, но онъ кажется бодрымъ,—впрочемъ, какъ потомъ мы узнали, онъ одержимъ многими болѣзнями. Николая Федоровича онъ встрѣтилъ какъ стараго знакомаго, хорошо извѣстнаго ему своими сочиненіями объ отношеніи Иерусалимскихъ патрі-

арховъ къ русской Церкви. Патріархъ прекрасно говорить по русски. Онъ долгое время жилъ въ Россіи, сначала въ Кишиневѣ, лѣтъ 15-ть, въ качествѣ завѣдующаго Бессарабскими имѣніями, принадлежащими гробу Господню, а потомъ, въ теченіе 7 лѣтъ, былъ настоятелемъ Московскаго Иерусалимскаго подворья. Къ Россіи сохранилъ онъ самыя живыя симпатіи. Въ его гостиной висятъ портреты Государя и Государыни русскихъ и нѣкоторыхъ выдающихся духовныхъ дѣятелей. У него мы пробыли нѣсколько часовъ. Онъ уго-

Кавалькада на ослахъ.

Видъ съ Халки на Принкипо.

щаль обычнымъ глико, обѣдомъ обильнымъ, по количеству блюдъ, среди которыхъ фигурировали маслины, турецкіе огурцы, etc. Разговоръ у Патріарха касался главнымъ образомъ воспоминаній о различныхъ событіяхъ русской жизни и лицахъ, знакомыхъ Его Блаженству, среди которыхъ, по его словамъ, у него было немало друзей. Съ нѣкоторыми онъ переписывается и сейчасъ. При воспоминаніи объ Императорѣ Александрѣ III, котораго онъ считаетъ своимъ особеннымъ благодѣтелемъ, Патріархъ прослезился. Сношеній съ Россіей Его Блаженство не прерываетъ,—онъ выписываетъ нѣсколько періодическихъ изданій (Богосл. Вѣстникъ, Новое время, Ниву и др.), слѣдитъ за ходомъ дѣлъ въ Россіи. Когда разговоръ коснулся вопроса объ отношеніяхъ Русской Церкви къ Церквамъ Востока, Н. Θ. сказалъ, что было-бы хорошо, въ интересахъ сближенія Церквей, существованіе представителей Русской Церкви при восточныхъ патріархахъ, равно какъ и наоборотъ. Патріархъ нашелъ предложеніе Н. Θ. очень удачнымъ, но мало осуществимымъ въ виду тѣхъ смуть, которыя волнуютъ восточныя Церкви, часто пускающіяся въ несвойственную имъ сферу—въ политику. Вообще, замѣтилъ Патріархъ, такое представительство было-бы полезно для грековъ, такъ какъ, по моимъ наблюденіямъ, греки становятся лучше, побывавъ въ Россіи и узнавъ ее. На прощаніе Патріархъ пожелалъ успѣха нашему путешествію и провожалъ насъ до самыхъ монастырскихъ вратъ.

Отъ Патріарха до Халкинской школы довольно далеко. Преосвященный съ профессорами отправился туда въ коляскѣ, а мы всѣ—верхомъ на ослахъ, погонщики которыхъ кучей явились къ намъ, лишь только о. С. крикнулъ одного. Усѣвшись на осликахъ такъ, что ноги чуть-чуть не доставали до земли, мы рысцою тронулись въ путь, сопровождаемые цѣлою толпою погонщиковъ, которые или бѣжали впереди, или крутили для „поощренія“ осламъ хвосты, отчего тѣ пребезобразно ревѣли. Наша компанія, одѣтая въ бѣлые мундиры со свѣтлыми пуговицами, должно быть, была оригинальна. Прохожіе останавливались и долго смотрѣли вслѣдъ, гречанки перегибались черезъ балконы или высовывались изъ оконъ и ихъ красивые глаза загорались любопытствомъ. За городомъ дорога пошла по хребту горы, такъ что съ обѣихъ сторонъ было видно чудно голубое море. Минуть че-

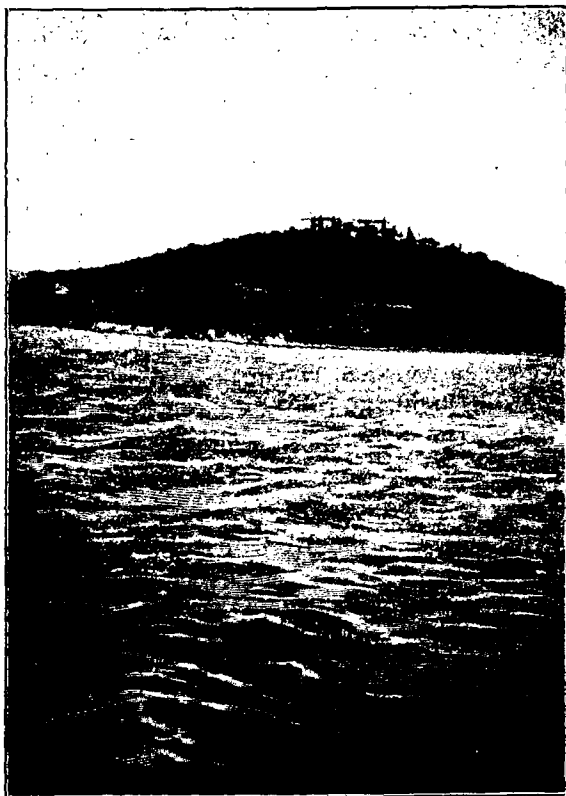
резь 25 — 30 мы пріѣхали на вершину горы, на которой въ монастырѣ св. Троицы, основанномъ знаменитымъ Константинопольскимъ патриархомъ Фотіемъ, съ 1844 года пріютилось высшее богословское училище греческой Церкви. Съ трехъ сторонъ училище обнесено оградой, съ четвертой— доступъ къ нему преграждаетъ море. Училищное зданіе не велико, но выгладить красиво. На фронтонѣ школы золотыми буквами выбита слѣдующая надпись (по гречески): „прекрасный храмъ, который раньше воздвигнулъ священный сонмъ архіереевъ для небесной мудрости, разрушенный землетрясеніемъ, снова создалъ щедрый мужъ, по велѣнію сердца своего, Павелъ Стефановикъ, сынъ Занниса, подаривъ его священной матери, которой онъ есть чадо; посему и вы, обитающіе въ этомъ домѣ небесной музы, питайте такое же стремленіе къ мудрости, какое и онъ питаетъ“. Этого Павла Стефановикъ, „великій благодѣтель Церкви и народа“, какимъ онъ объявленъ Синодомъ патриархіи и состоящимъ при немъ народнымъ совѣтомъ, возобновилъ школу послѣ землетрясенія, бывшаго въ 1894 году.

Халкинская школа за свыше 50-ти лѣтній періодъ существованія ея пережила много перипетій, обусловленныхъ различными обстоятельствами какъ это видно изъ краткой исторической записки, помѣщенной въ официальномъ изданіи Константинопольской патриархіи *Ἐκκλησιαστικῆ Ἀληθεία* (№№ 47 и 50. Ср. Странникъ, 1900 г. № 3, стр. 482). Внѣшняя исторія ея такова. Основана школа въ 1844 году вселенскимъ патриархомъ Германомъ въ качествѣ разсадника высшаго духовнаго образованія на весь Востокъ. Но уже въ 1850 году, вслѣдствіе затруднительнаго положенія своего и придирокъ турецкаго правительства, она не сдѣлала обычнаго выпуска своихъ питомцевъ. Не было также выпусковъ въ 1865 и 1870 гг. вслѣдствіе возникшихъ въ школѣ беспорядковъ. Не было выпуска и въ 1883 году, по распоряженію К—каго Синода, такъ какъ въ этомъ году была измѣнена программа школы и курсъ былъ назначенъ восьмилѣтній; но въ 1885 году оставленъ прежній семилѣтній курсъ. Въ 1894 году Халкинская школа была разрушена землетрясеніемъ, вслѣдствіе чего въ 1895 году въ школѣ совсѣмъ не было занятій, которыя открылись только въ 1896 году, когда для школы было построено новое зданіе упомянутымъ нами Павломъ

Стефановикомъ, при содѣйствіи и русскаго Синода, пожертвовавшаго на это дѣло 3000 рублей. Отъ основаніи своего до настоящаго времени она сдѣлала сорокъ восемь выпусковъ своихъ питомцевъ, въ количествѣ около 400, которые съ честію подвизались и подвизаются на различныхъ поприщахъ церковно-общественнаго служенія православнаго греческаго Востока, а главнымъ образомъ—въ санѣ іерарховъ греческой Церкви. Въ этой школѣ, между прочимъ, обучались: нынѣшній вселенскій патріархъ Константинъ V Валиадисъ, (вып. 1857 г.), бывшіе К—скіе патріархи: Неофитъ Икоцифинисіотисъ (вып. 1857 г.), Анѳимъ Цацосъ (1861 г.) и Іоакимъ Коккодисъ (того же вып.). Кромѣ того, большая часть митрополичьихъ кафедръ во всѣхъ патріархатахъ заняты въ настоящее время бывшими питомцами Халкинскаго училища. Патріархъ Анѳимъ VII, при освященіи въ 1896 г. новаго зданія для школы, построеннаго Стефановикомъ, въ рѣчи своей между прочимъ назвалъ Халкинское училище „живоноснымъ источникомъ, изъ котораго обильно текли на весь православный народъ струи ученія божественной и безупречной нашей вѣры и изъ котораго такая достойная соревнованія вереница левитовъ піла и въ свою очередь пошла жаждущихъ божественными ученіями священнаго благовѣствованія“.

Въ школѣ встрѣтилъ насъ о. ректоръ ея, архим. Апостоль Христодуль, среднихъ лѣтъ, питомецъ этой же школы, выпуска 1881 года, а затѣмъ кандидатъ Кіевской Академіи, выпуска 1886 года. Пригласивъ къ себѣ, онъ предложилъ намъ обычное угощеніе на Востокъ—глико и по чашкѣ кофе. Во время этого угощенія о. Апостоль знакомилъ насъ съ организаціею учебно-воспитательнаго дѣла въ школѣ. По его словамъ, съ нынѣшняго года Халкинская школа будетъ нѣсколько преобразована; она получитъ новую программу, по которой преимущественное значеніе въ дѣлѣ преподаванія отдано будетъ наукамъ богословскимъ. Къ бывшимъ прежде семи классамъ по новой программѣ прибавляется восьмой, спеціально-богословскій. Внутренняя жизнь школы устроена на началахъ религіозности и развитія въ ученикахъ церковности. Многіе изъ учениковъ состоятъ рясофорными монахами, а въ послѣднемъ классѣ всѣ воспитанники обязаны принимать монашество, въ противномъ случаѣ не получать

диплома объ окончаніи курса въ училищѣ, такъ какъ по уставу школы дипломы объ окончаніи курса выдаются лишь имѣющимъ священное или монашеское званіе, а остальные получаютъ тогда, когда примутъ то или иное посвященіе. Въ составѣ преподавателей имѣются лица свѣтскія и духовныя, причѣмъ послѣднія живутъ въ зданіи училища, а первыя, если желаютъ, поселяются на вольныхъ квартирахъ. Дисциплина въ школѣ очень строгая. Каждый день начинается утренею въ школьной церкви, на которой присутствуетъ самъ ректоръ и профессора школы; заканчивается день—вечернею. За ворота школы воспитанникамъ выходить не позволяется, купаться разрѣшается только съ благословенія ректора, и т. п. Рассказывалъ намъ также о ректорѣ и о землетрясеніи, постигшемъ училище въ 1894 г., очевидцемъ чего онъ былъ, находясь въ это время въ столовой вмѣстѣ съ учениками по обязанности инспектора. Затѣмъ въ сопровожденіи любезнаго о. Апостола пошли мы осматривать училище. Зданіе двухъэтажное. Вездѣ чистота и опрятность, хотя и конецъ года, особенно на верхнемъ этажѣ. Здѣсь кромѣ квартиры ректора находится изящно отдѣланный актовъ залъ, въ которомъ происходятъ годичныя испытанія въ присутствіи Вселенскаго патріарха, членовъ Синода и многихъ почетныхъ лицъ. Тутъ же рядомъ—библіотека, снабженная достаточнымъ количествомъ книгъ. Есть и русскія книги и періодическія изданія, преимущественно духовныя, но не видно, чтобы они были въ частомъ употребленіи. Особенно здѣсь богато рукописное собраніе, чѣмъ и славится библіотека. На верхнемъ же этажѣ, съ сѣверной стороны, находятся и квартиры нѣкоторыхъ преподавателей, а на южной сторонѣ—спальни старшихъ воспитанниковъ. Въ 1-мъ этажѣ на сѣверной сторонѣ—классы, а на южной—занятныя и спальни. Классы—просторныя, свѣтлыя. Посѣтили мы и занятныя комнаты воспитанниковъ,—чисты онѣ, но не отличаются особенною уютностію. Во время посѣщенія нашего классовъ и занятныхъ, занимались тутъ воспитанники, такъ какъ ученіе еще не кончилось. Они одѣты въ подрясники и носятъ длинные волосы; по русски изъ нихъ почти никто не говоритъ. Преподаваніе въ школѣ—урочное и судя по массѣ предметовъ, которые должны одолѣть воспитанники, имъ приходится работать немало. Преосвященный

Халкинское Училище.

спрашивалъ нѣкоторыхъ учениковъ по предметамъ, по которымъ они въ то время занимались. Ученики бойко отвѣчали на предложенные имъ вопросы. Учебниками и учебными пособиями служатъ большею частью рукописныя записки, а по нѣкоторымъ предметамъ—русскіе переводные учебники, напр. по догматическому богословію — учебникъ преосв. Макарія. Преосвященный и профессора высказали пожеланія, чтобы Халкинскіе воспитанники выучивались, хотя немного, говорить по русски, иначе, являясь въ академіи, они поневолю отстаютъ. Высказано также желаніе, чтобы они являлись на экзамень къ намъ съ печатными программами, чтобы знать,

какія требованія предъявлять воспитанникамъ на экзаменахъ. Въ заключеніе Преосвященный, указавъ на то, что въ нашей Академіи есть воспитанники Халкинскоі школы, которые отличаются благоправіемъ и усердіемъ, пожелалъ, чтобы побольше воспитанниковъ поступало въ наши академіи. Отсюда мы направились въ училищную церковь, а затѣмъ вышли на балконъ. Гора, на которой помѣщается школа, у грековъ называется: *ῥάτρον* (т. е. зрѣлище), и не напрасно. Съ балкона школы открывается восхитительнѣйшій видъ на море и острова:—на море, словно уснувшее подъ знойными лучами солнца, и на острова, вѣчно слушающіе волшебную сказку, которую рассказываетъ имъ море, плещущееся у ихъ подножіи и омывающее ихъ грозныя скалы. А вдаль, задернутый синюю дымкой, виднѣется Константинополь. Вообще восхитительному положенію Халкинскоі школы могутъ позавидовать многія наши школы.

Убѣжая изъ семинаріи, мы хотѣли выкупаться въ Мраморномъ морѣ, но о. Апостоль отсовѣтовалъ. Во первыхъ, здѣсь вода нагрѣвается позднѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и теперь никто еще не купается; во вторыхъ, по здѣшнимъ воззрѣніямъ купаться всѣмъ прямо съ берега—это поступокъ, оскорбляющій общественную нравственность. Пришлось отказаться отъ заманчивой, въ виду сильной жары, мысли и мы отправились къ пристани, снова усѣвшись на осликахъ. Въ ожиданіи парохода мы отдыхали у пристани, гдѣ было много народу также въ ожиданіи, а еще больше любопытныхъ, глазѣвшихъ на насъ безъ всякой церемоніи. Но вотъ пронеслось „Патріархъ идетъ“. И дѣйствительно, мы увидали спускавшагося съ пригорка къ пристани величественную фигуру Патріарха Никодима, въ простой черной рясѣ, съ палкою въ рукахъ. Патріархъ отправлялся тоже въ Константинополь, и вскорѣ всѣ мы сѣли на пришедшій съ Принкипо пароходъ. Патріархъ все время бесѣдовалъ съ Преосвященнымъ и профессорами о разныхъ вопросахъ—чисто русскихъ, русско-греческихъ, и др..... Чрезъ полтора часа мы были снова въ Константинополь подъ гостепріимнымъ кровомъ Пантелеймоновскаго подворья. Въ это время Преосвященному сдѣлали визитъ: помощникъ настоятеля посольскоі церкви о. Сергіи Орловъ, кандидатъ нашей Академіи, и старшій учитель русской школы

при посольствѣ г. Машковъ, пригласившіе его, по порученію г. посла, присутствовать завтра утромъ на экзаменѣ въ школѣ,—на что Преосвященный далъ свое согласіе. Въ тоже время съ отвѣтнымъ визитомъ Преосвященному отъ имени Вселенскаго патріарха пришли два духовныхъ лица и принесли съ собою патріаршую грамоту, на греческомъ языкѣ, адресованную къ „преподобнѣйшимъ еписватамъ и антипросопамъ святоименной горы Аѳонской, нашимъ возлюбленнымъ чадамъ въ Господѣ“.

Грамота гласила: „Возлюбленнѣйшій нашъ во Христѣ братъ Киръ Арсеній, боголюбивѣйшій епископъ Волоколамскій, викарій Московской Митрополіи, Ректоръ (*Прѣдѣлѣ*) Московской Академіи, прибывшій недавно въ Константинополь изъ Россіи въ сопровожденіи духовныхъ лицъ (слѣдуетъ перечисленіе ихъ), двухъ профессоровъ и воспитанниковъ, отправляется къ вамъ на нѣсколько дней для поклоненія священнымъ обителямъ Божиимъ и обозрѣнія достопримѣчательностей оныхъ. Почитая такое благочестивое желаніе Его Боголюбія и сопровождающихъ его, представляемъ ихъ вашему вниманію, дабы вы, оказавъ имъ должное благоговѣніе, честь и почтеніе, приняли ихъ съ отличающею васъ любезностію и привѣтливостію, доставляя имъ всѣ удобства къ исполненію священнаго ихъ желанія. А если Его Боголюбие и сопровождающія Его духовныя особы пожелаютъ совершить священнослуженіе, то дозволить имъ. Нисколько не сомнѣваясь, что вы поревнуете сдѣлать ихъ хвалителями вашей привѣтливости, посылаемъ вамъ благословеніе мира и любви отъ Бога. Вселенскій Патріархъ Константинъ. 1900 г. іюня 6“.

Вечеромъ гуляли по набережной Золотого Рога, сплошь заставленной столиками для кофе, кальяна, etc. Пили чудный турецкій кофе и пробовали курить кальянь, приводящій турокъ въ состояніе блаженнаго *far niente*, но не нашли въ немъ никакого вкуса; за то порадовались популярности русскаго языка. Музыканты: австріякъ со скрипкою и австріячка съ мандолиною, подъ аккомпаниментъ своихъ инструментовъ, недурно пѣли русскія народныя пѣсни. По дорогѣ домой чуть—чуть не заблудились: помогъ намъ ориентироваться неожиданно явившійся предъ нами и предложившій свои услуги русскій еврей, который любезно проводилъ насъ до подворья, за что, разумѣется, получилъ бакшишъ.

8-е Іюня. Четвергъ.

Нынѣшнее утро было посвящено вообще знакомству съ городомъ. Для этого прежде всего поднялись на Галатскую башню, господствующую не только надъ Галатою и Перою, между которыми она находится, но надъ Константинополемъ и его окрестностями. Башня эта построена въ 1348 году генуэзцами и находится недалеко отъ подворья, на возвышенности, вслѣдствіе чего улица, ведущая къ ней—юксекъ-калдирымъ—поднимается уступами вродѣ лѣстницы и проѣздъ по ней совершенно невозможенъ. Башня возвышается на 70 сажень надъ уровнемъ моря и когда мы по узкой, темной и грязной лѣстницѣ, отсчитавъ 186 ступенекъ, дошли до ея вершины, предъ нами развернулась грандіозная панорама города. Подъ нашими ногами, словно муравейникъ, копошится населеніе Галаты, далѣе на горѣ виднѣется аристократическая Пера (европейскій кварталъ города) съ ея европейскими домами, за нею въ кварталѣ Панкальди—русская больница; направо—пріютившійся подъ тѣнію кипарисовъ Ильдызь-Кюскъ и другіе дворцы, изъ-за которыхъ выглядываетъ голубой рукавъ Босфора, отдѣляющій европейскій берегъ отъ азіатскаго,—гдѣ, утопая въ зелени, амфитеатромъ раскинулось предмѣстье Константинополя—Скутари. Съ другой стороны башни, отрѣзанный отъ Галаты тонкою полосою Золотого Рога, по которому непрерывно снуютъ дымящіеся пароходы, виднѣется своеобразный Стамбуль, съ сотнями красивыхъ минаретовъ; за нимъ синѣется вдали Мраморное море, а дальше, окутанные темною-синею дымкой, обрисовываются силуэты Принцевыхъ острововъ. На крышахъ домовъ кое-гдѣ виднѣются нѣжащіеся на солнцѣ или занимающіеся своими дѣлами ихъ обывательницы.

Налюбовавшись городомъ съ вершины Галатской башни и освоившись съ его топографіею, мы отправились по ту сторону Золотого Рога, въ Стамбуль, чтобы познакомиться съ оригинальнѣйшимъ пунктомъ Константинополя — базаромъ чарши (безестейна), гдѣ собрано все, чѣмъ торгуетъ Востокъ. На мосту, ведущемъ въ Стамбуль,—обычное оживленіе, непрерывно движущаяся толпа, поражающая даже начинающаго привыкать ко всему восточному иностранца пестротою и „разнокалиберностью“. Кого — кого только тутъ

нѣтъ? Разряженная изящная европейская дама идетъ бокомъ о бокомъ съ закутанною въ шелковое полосатое покрывало и нохожею въ немъ на движущійся мѣшокъ молодую турчанкою, которую конвоируетъ смуглая негритянка. Блестящій въ своемъ короткомъ мундирѣ турецкій офицеръ на своемъ лихомъ арабскомъ конѣ или важно развалившійся въ раззолоченной коляскѣ паша съ сонными глазами протискивается между загородившими дорогу ослами, нагруженными длинными досками, или арбой, запряженной громадными буйволами, которыхъ погоняетъ полураздѣтый арабъ. Блестящій цилиндръ европейца, восточная пирамидальная шапка дервиша, бѣло-зеленая чалма имама, черный клобукъ монаха и красная феска турка—все слилось въ одну кучу. Господствуетъ, впрочемъ, феска: ее носятъ не только турки, начиная отъ султана и кончая многочисленными нищими, но и греки, и другіе обыватели Константинополя, и даже иностранцы. Протискавшись черезъ мостъ и отбившись отъ уличныхъ чистильщиковъ сапогъ и другихъ разносчиковъ (одинъ изъ нихъ, впрочемъ, продавецъ палокъ сопровождалъ насъ отъ подворья по всему Стамбулу, все время навязывая свой товаръ и торгуясь), мы благополучно добрались до чарши. Чарши—это, вѣроятно, единственный въ мірѣ по оригинальности базаръ. Онъ находится недалеко отъ берега Золотого Рога и занимаетъ пространство около 3 верстѣ, покрытое одною крышею. Сквозь небольшіе купола, поднимающіеся надъ этою крышею, въ базаръ проникаетъ скудный свѣтъ, вслѣдствіе чего тутъ вѣчно господствуетъ выгодный для торговцевъ полумракъ. Чарши во всѣхъ направленіяхъ изрѣзываютъ корридоры, образующіе до 150 кварталовъ, въ которыхъ пріютилось около 8000 лавокъ. Это базаръ въ собственномъ смыслѣ универсальный: здѣсь можно найти все, начиная отъ знаменитыхъ восточныхъ шелковыхъ тканей и кончая пищевыми продуктами. Оригинальность этого базара увеличивается еще тѣмъ, что все производство здѣсь налицо. Въ одномъ углу тачаются сапоги, въ другомъ гремитъ швейная машина; тамъ парикмахеръ, зажавъ между колѣнами голову правовѣрнаго, скользитъ по ней бритвою, а рядомъ съ нимъ расположился поваръ, предъ которымъ на вертелѣ шипитъ баранина. Груды фруктовъ видѣются рядомъ съ грудями мануфактурнаго товара. Любопытны и

правы здѣшнихъ торговцевъ. Здѣсь торгуютъ разныя національности: турки, арабы, евреи, армяне, нѣмцы, французы и др., и всѣ имѣютъ комиссіонеровъ, зазывающихъ прохожихъ въ свою лавку. Но, Боже сохрани, къ чему нибудь прицѣниться,—комиссіонеръ будетъ сопровождать васъ по всему базару до тѣхъ поръ, пока вы не купите вещь. Запрашиваютъ продавцы въ десять разъ дороже стоимости вещи, и послѣ продолжительной торговли уступаютъ. Крайнюю неустойчивость цѣнъ и сравнительную дешевизну вещей здѣсь объясняютъ тѣмъ, что въ Константинополь, гдѣ не существуетъ фабричнаго производства, свозится нераспроданный бракованный товаръ съ западно-европейскаго рынка и находитъ хорошій сбытъ среди непритомливыхъ турокъ. Наша многолюдная компанія обращала на себя вниманіе, и по базару то и дѣло раздавались возгласы: „московъ карошъ, заходи, братушка, братушка сюда, стой, стой братушка, entrée, monsieur“. На базарѣ народу немного и, какъ вѣроятно вездѣ, преобладаютъ среди покупателей женщины, даже турчанки, которымъ самъ Коранъ разрѣшаетъ показываться публично на торгѣ. Приказчикъ изъ французскаго магазина, гдѣ мы что-то покупали, провожалъ насъ по всему базару и даже въ мечеть султана Баязета, куда мы зашли съ базара, причемъ обязательно объяснилъ имаму, отворявшему мечеть, что здѣсь: „буюкъ — папá (большой священникъ) и notabler personnages“, въ силу чего имамъ былъ съ нами особенно любезенъ.

Въ этотъ же день утромъ Преосвященному представилась болгарская депутація, привѣтствовавшая его отъ имени болгарскаго экзарха Іосифа и благодарившая за заботы о воспитаніи болгарскаго юношества, учащагося въ Московской академіи. Въ числѣ депутаціи былъ протосинкель Мелетій, окончившій курсъ Кіевской семинаріи, и Протасій Пампуловъ, кандидатъ Московской академіи. Преосвященный поручилъ депутаціи выразить благодарность экзарху за такое вниманіе его, а вмѣстѣ и сожалѣніе, что онъ по причинамъ, вызваннымъ *известными* историческими обстоятельствами, не можетъ лично посѣтить его. Въ отвѣтъ на благодарность за воспитаніе болгарскаго юношества, Преосвященный сказалъ, что наша Академія, равно какъ и другія русскія учебныя заведенія, съ радостію открываютъ двери свои для единоплеменныхъ и единовѣрныхъ юношей, относясь къ

нимъ, какъ и къ русскимъ воспитанникамъ, съ одинаковымъ вниманіемъ и любовію. Къ пригорю, говорилъ Преосвященный, нѣкоторые изъ такихъ юношей своимъ поведеніемъ не оправдываютъ такого отношенія къ нимъ, вызывая справедливое негодованіе начальствъ учебныхъ заведеній, которыя вынуждены иногда бывають удалять такихъ воспитанниковъ изъ своей среды. А нѣкоторые изъ нихъ вмѣсто того, чтобы заниматься науками, пускаются въ „политику“, или вѣрнѣе „политиканство“, какое занятіе быть можетъ и находить свое оправданіе на Востокѣ, въ силу такихъ или иныхъ условій восточной жизни, но у насъ, въ Россіи, и притомъ въ учебныхъ заведеніяхъ, оно нетерпимо. Вотъ почему желательно было бы съ большимъ разборомъ и вниманіемъ посылать къ намъ въ науку молодыхъ людей, а затѣмъ слѣдить за ними, освѣдомляясь у подлежащихъ начальствъ объ ихъ успѣхахъ и поведеніи,—что теперь рѣдко дѣлается. Въ частности, относительно воспитанниковъ болгарской экзаршеской семинаріи, учащихся въ нашей Академіи, Преосвященный поручилъ передать экзарху свое удовольствіе и благодарность, такъ какъ они отличаются добрымъ поведеніемъ и вполне подготовлены къ слушанію академическихъ наукъ.

Послѣ этого Преосвященный, согласно обѣщанію, поѣхалъ на экзамень въ русскую школу, помѣщающуюся почти за городомъ при русскомъ госпиталѣ. Здѣсь Преосвященнаго встрѣтили: завѣдующій школою В. М. Машковъ, помощникъ настоятеля посольской церкви о. С. Орловъ, состоящій законоучителемъ школы, діаконъ посольской церкви Махровъ, учителя, представитель посольства Щербачкій и членъ Училищнаго Совѣта Фармаковскій, ученый секретарь Археологическаго Института. Ученики довольно стройно пропѣли входное „Достойно есть“, привѣтствовали Преосвященнаго пѣніемъ *εις κολλᾶς*, во время чего онъ преподавъ всѣмъ благословеніе. Затѣмъ начался экзамень, которымъ руководилъ Преосвященный, спрашивая самъ экзаменуемыхъ. Учениковъ было около ста, по возрасту отъ 7 до 15 лѣтъ; по національности—преимущественно греки, меньшинство—сербы, болгары, есть и русскихъ нѣсколько. Экзамень былъ произведенъ по Закону Божію, русскому языку и ариметикѣ. Отвѣчали въ общемъ порядочно, особенно

по классу о. С. Орлова и учителя приготовительнаго класса студента Одесской семинаріи. По русски говорятъ довольно хорошо. По окончаніи экзамена, Преосвященный обратился къ ученикамъ съ приличнымъ случаемъ и удобовразумительнымъ для нихъ словомъ, послѣ чего благословилъ всѣхъ, каждаго въ отдѣльности, привезенными изъ Сергіевой Лавры иконами Преподобнаго и крестиками съ красными ленточками. Нужно было видѣть эту святую радость дѣтей, надѣвшихъ тутъ же на шею крестики!... Посѣтивъ затѣмъ завѣдующаго школою г. Машкова, Преосвященный, провожаемый училищнымъ персоналомъ и воспитанниками, отбылъ изъ школы на подворье. По пути онъ заѣхалъ въ Археологическій Институтъ, находящійся въ Перѣ. Директора Ѡ. П. Успенскаго дома не было; онъ теперь путешествуетъ съ археологическою цѣлью по Сиріи, столь богатой памятниками христіанской древности. Въ Институтѣ встрѣтилъ Преосвященнаго ученый секретарь Фармаковский. Отложивъ подробный осмотръ Института до обратнаго возвращенія изъ Палестины, Преосвященный, бѣгло осмотрѣвъ его, при любезномъ содѣйствіи г. Фармаковского, возвратился къ 2 часамъ на подворье, гдѣ мы ожидали его съ обѣдомъ.

Дѣлаясь съ нами во время обѣда впечатлѣніями, вынесенными имъ отъ посѣщенія школы, Преосвященный высказалъ слѣдующее. Въ общемъ ходѣ преподаванія замѣтно отсутствіе единства, опредѣленной системы, — что впрочемъ объясняется неопредѣленностію типа этой школы. Такъ и неудалось выяснить, къ какому типу отнести эту школу, — къ типу-ли церковно-приходской, или городской, профессиональной. Курсъ школы 6-ти лѣтній и по программѣ своеобразный; къ программѣ городскихъ начальныхъ училищъ (по положенію 31 мая 1872 г.: Законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметика, геометрія, географія, исторія) присоединяются здѣсь: бухгалтерія, греческій и французскій языки. Съ внѣшней стороны школа обставлена, за недостаткомъ денежныхъ средствъ, плохо. Она помѣщается въ небольшомъ и мало приспособленномъ для школы зданіи, учителя получаютъ небольшое вознагражденіе. Исторія учрежденія этой школы такова. Возникла она въ 1892 году по иниціативѣ тогдашняго русскаго посла въ Константи-

нополѣ (нынѣ въ Римѣ) Александра Ивановича Нелидова, при дѣятельномъ участіи его супруги Ольги Дмитріевны, на средства, собранныя путемъ добровольныхъ пожертвованій среди русскихъ подданныхъ, проживающихъ въ Турціи. Особенно щедрія пожертвованія оказали рускіе афонскіе монастыри. Цѣлю ея основанія было распространеніе русскаго языка и правильныхъ (а не извращенныхъ инославною пропагандою) свѣдѣній о Россіи между православнымъ населеніемъ Константинополя: греками, армянами, болгарами. Старшимъ учителемъ и завѣдующимъ школою, принимавшимъ большое участіе въ ея устроеніи, до нынѣшняго года состоялъ Вас. Мих. Машковъ, окончившій курсъ Московской духовной семинаріи со степенью студента въ 1872 году.

Конечно и въ такомъ видѣ школа принесла свою долю пользы, и глубокой благодарности заслуживаютъ инициаторъ устроенія школы А. П. Нелидовъ и первый устроитель ея В. М. Машковъ. Тѣмъ не менѣе настояла необходимость въ болѣе цѣлесообразной постановкѣ ученія въ ней и присвоеніи ей опредѣленнаго типа, въ связи съ улучшеніемъ внѣшней обстановки ея. На это и обратилъ свое просвѣщенное вниманіе нынѣшній посоль П. А. Зиновьевъ, изыскавшій и необходимыя для этого средства. Благодаря ему, подѣ помѣщеніе школы пріисканъ и приспособленъ трехъ—этажный каменный домъ вблизи главной и центральной Перской улицы. При домѣ имѣется садъ для дѣтскихъ игръ, а на случай непогоды въ саду же устроенъ крытый рекреационный залъ, соединенный съ домомъ крытымъ коридоромъ. Ежегодный бюджетъ школы увеличенъ до 8000 р. вмѣсто прежнихъ 4000 р. По программѣ школа будетъ имѣть типъ коммерческихъ училищъ съ изученіемъ языковъ: русскаго—главнаго языка, на которомъ будетъ вестись преподаваніе, греческаго, турецкаго и французскаго. Учительскій персоналъ увеличенъ новыми учителями съ высшимъ образованіемъ. Въ такомъ обновленномъ видѣ школа, какъ теперь извѣстно, была открыта 1-го декабря прошлаго года постѣ торжественнаго молебствія, совершеннаго посольскимъ причтомъ, въ присутствіи посла П. А. Зиновьева, директора археологическаго института Ф. П. Успенскаго и другихъ лицъ немалочисленнаго русскаго общества въ Константинополѣ.

Открытие русской школы въ Константинополь должно быть привѣтствуемо отъ всей души. „Современный Константинополь, говорить по сему поводу о. С. Орловъ, совсѣмъ не богатъ (православными) учебными учрежденіями. Лучшія школы въ К-лѣ принадлежатъ иностранцамъ — американцамъ, нѣмцамъ, французамъ и—больше всего—монашескимъ католическимъ орденамъ. Иностранцы упрочиваютъ чрезъ нихъ свое господство на древнемъ Востокѣ, а католичество черезъ школы ведетъ смѣлую и вѣрную пропаганду. Можно надѣяться, что благоустроенная русская школа приобрететъ симпатію по крайней мѣрѣ православнаго греческаго населенія, страдающаго много отъ внѣшнихъ и внутреннихъ неудобствъ и непорядковъ жизни“ (Ц. Вѣд. 1900 г. № 51, стр. 2140). Пожелаемъ всякаго успѣха обновленной школѣ. Пожелаемъ, чтобы съ практическимъ направленіемъ образованія, вызваннымъ мѣстными условіями, въ ней процвѣтало и религиозное. Поручкой въ послѣднемъ является преподаваніе Закона Божія такимъ просвѣщеннымъ и благочестиво-настроеннымъ лицамъ, какъ о. С. Орловъ.

Послѣ обѣда намъ предстояло посѣтить дачу русскаго посла въ Букъ-дере; манила своею пріятностію прогулка по живописному Босфору. Поэтому мы снова очутились на мосту, по которому двигалась безъ конца взадъ и впередъ таже пестрая толпа, а затѣмъ—и на паряходъ, совершающемъ рейсы по Босфору. Турецкій флагъ взвился надъ паряходомъ и послѣдній, разсѣкая темно-синія воды Босфора, побѣжалъ впередъ. Берега Босфора, нѣсколько знакомые теперь намъ, утративъ интересъ новизны, не казались уже особенно интересными намъ. Паряходъ, останавливавшійся около каждаго мѣстечка Босфора, наконецъ подъѣхалъ часа два спустя послѣ отъѣзда изъ Константинополя къ пристани возлѣ Букъ-дере. Направо отъ пристани бѣлый домъ русскаго посольства, а за нимъ чудный паркъ, извѣстный подъ именемъ Бѣлградскаго лѣса. Осмотръ этого парка, о которомъ мы слышали восторженные отзывы, и былъ главною цѣлію нашей сегодняшней поѣздки. Дѣйствительно, паркъ оправдалъ себя. Раскинувшійся на 18-ти десятинахъ по откосу горы, паркъ интересенъ, какъ богатствомъ и разнообразіемъ растительнаго царства, такъ и своими широкими видами. Въ паркѣ наряду съ сѣверно-русскими березою и сосною ра-

стуть платаны, кипарисы, буки, лавровыя деревья, виноградъ, персики, ананасы; деревья — старыя, вѣковыя; въ паркѣ всегда вѣетъ пріятною прохладою. На уступахъ горъ, кромѣ того, устроены красивыя бесѣдки, откуда открываются широкіе виды на Босфоръ и Скутари. Нагулявшись въ паркѣ, мы къ 6 часамъ вечера вернулись обратно въ Константинополь—на подворье.

Въ это время Преосвященному Ректору, оставшемуся на подворьи, отвѣтить визитомъ бывший Іерусалимскій Патриархъ Никодимъ, бывший у него около часу.

Вечеромъ, по приглашенію Андреевцевъ (монаховъ, завѣдующихъ Аѳонскимъ Андреевскимъ подворьемъ), у которыхъ остановились профессора и лаврскіе монахи, мы вмѣстѣ съ Преосвященнымъ пили чай на кровлѣ ихъ дома, откуда открывается на городъ болѣе широкій видъ, чѣмъ съ кровли Пантелеймоновскаго подворья, такъ какъ зданіе послѣдняго на цѣлый этажъ ниже дома Андреевскаго подворья. Вообще новое зданіе Андреевскаго подворья просторнѣе и свѣтлѣе Пантелеймоновскаго и не оставляетъ желать ничего лучшаго. Монахи здѣсь такъ же любезны и гостепримны, какъ и въ Пантелеймоновскомъ. Они конкурировали въ любезности другъ съ другомъ. Особенно симпатиченъ настоятель подворья, о. Софроній. Онъ прекрасно говоритъ по ново-гречески и знатокъ древностей византійскаго искусства. У антикваріевъ онъ скупаетъ древніе предметы христіанскаго культа: древнія рукописныя книги, иконы и пр. и уже составилъ изъ нихъ очень цѣнную въ научномъ отношеніи коллекцію, которую передалъ своему монастырю. Завѣдующіе Константинопольскимъ археологическимъ институтомъ говорили, что о. Софроній является для нихъ опаснымъ конкурентомъ, хотя они и благодарны ему за то, что онъ спасаетъ предметы христіанскаго культа и не допускаетъ ихъ попасть въ руки иностранцевъ, знающихъ цѣну подобнымъ вещамъ и дающихъ за нихъ громадныя деньги. Вообще вечеръ, проведенный на кровлѣ Андреевскаго подворья въ бесѣдѣ съ любознательными и гостепримными монахами, оставилъ по себѣ прекрасное воспоминаніе. Только безалаберная Галата не оставляла насъ въ покоѣ и здѣсь. Рядомъ съ домомъ Андреевскаго подворья возвышается зданіе съ надписью „Московскій трактиръ“, при-

надлежащее какому-то греку. Здѣсь по вечерамъ собираются Галатскіе босяки и начинается вакханалія. Въ этотъ вечеръ какъ-то особенно разошелся хоръ и громкое безалаберное пѣніе далеко разносилось по окрестности, заставляя монаховъ чаще обыкновеннаго вздыхать и жаловаться „на искушенія“.

Въ это же время, по случаю пожара въ Перѣ, мы любовались на оригинальное явленіе Константинопольской жизни—пѣшую пожарную команду. Пожары въ Константинополь, гдѣ верхніе этажи домовъ большею частію деревянные, часты и опустошительны, между тѣмъ организовать по европейски пожарную команду, въ виду крайней узости улицъ, по которымъ очень рѣдко можно свободно проѣхать въ экипажѣ, нельзя. Поэтому, какъ только загорится гдѣ нибудь, по всему городу раздаются неистовые крики бекчей (ночныхъ сторожей), извѣщающихъ о мѣстѣ пожара. Услыхавъ во время прогулки эти крики, мы невольно вздрогнули и бросились ближе къ домамъ. И не напрасно! По самой срединѣ улицы съ громкими криками и гиканьемъ, словно ураганъ, неслись пожарные, сшибая съ ногъ встрѣчныхъ и давя собакъ, поднимающихъ вой. Пожарные—въ бѣлыхъ, плотно прилегающихъ къ тѣлу рубашкахъ и босикомъ, на плечахъ несутъ пожарныя трубы, багры, крюки и пр.: одинъ изъ нихъ съ пылающимъ факеломъ бѣжитъ впереди, очищая дорогу, за ними—толпа любопытныхъ. Это—пожарная команда изъ одного участка; чрезъ нѣсколько минутъ бѣгутъ пожарные изъ другого участка и снова повторяется та же исторія. Залюбовавшись оригинальною пожарною командою, мы и не замѣтили, какъ совсѣмъ стемнѣло, и пробираться домой по глухимъ и темнымъ (фонари есть только на одной—главной улицѣ Перы) переулкамъ пришлось чуть не ощупью, такъ что мы едва-едва попали на подворье.

4-е Іюня. Пятница. На Селамликѣ и у дервишей.

Пятница—религіозный праздникъ мусульманъ. Въ этотъ день султанъ, братъ солнца, дядя льва, какъ называютъ его образно магометане, торжественно выѣзжаетъ въ мечеть на молитву. На религіозно-политической церемоніи—селамликѣ, по рекомендаціи посольствъ, присутствуютъ обыкновенно

иностранцы, желающіе лицезрѣть повелителя правовѣрныхъ и видѣть религиозный праздникъ мусульманъ. Ихъ имена на слѣдующей день, по существующему обычаю, печатаются на столбцахъ мѣстнаго оффиціоза: „The oriental advertiser“, подъ заглавіемъ „списокъ знатныхъ иностранцевъ, присутствовавшихъ на селамликѣ“. Благодаря мѣстной прессѣ, слѣдившей за каждымъ шагомъ нашего пребыванія въ Константинополѣ со дня пріѣзда „ученой миссіи“, мы давно уже были произведены въ „знатные иностранцы“ и, слѣдовательно, должны были присутствовать на селамликѣ, тѣмъ болѣе, что нашъ посоль Зинovieвъ уже обѣщаль Преосвященному устроить для насъ безпрепятственный пропускъ туда. Селамликъ происходитъ отъ 12 до 1 часу. Поэтому, рѣшивъ собраться около 1/2 12-го въ канцелярію русскаго консульства, куда нужно было явиться для полученія пропускнаго билета и уплаты 75 к. съ человѣка на русскую больницу въ Константинополѣ, мы разбрелись по городу, кто—за покупками, кто просто—наблюдать нравы.

Къ указанному часу всѣ собрались въ зданіе консульства, на главной улицѣ Перы, получили билеты, взяли каваса, наняли извозчиковъ и отправились къ Ильдызь-Кіоску. Въ Перѣ было замѣтно особое оживленіе: играла военная музыка, къ Ильдызь-Кіоску стягивались войска, предводительствуемья офицерами въ блестящей формѣ, на прекрасныхъ арабскихъ лошадяхъ. За Перою дорога шла параллельно берегу Босфора среди длинной цѣпи громадныхъ, роскошныхъ садовъ; все чаще и чаще красовался на зданіяхъ полумѣсяцъ со звѣздою по срединѣ — государственный гербъ Турціи ¹⁾. Наконецъ мимо разставленныхъ шпалерами войскъ, мы подъѣхали къ зданію, предназначенному для почетныхъ гостей, присутствующихъ на селамликѣ. Преосвященный,

¹⁾ Какъ это ни странно, однако несомнѣнно, что гербъ Турціи заимствованъ турками-побѣдителями у побѣжденныхъ грековъ-византійцевъ. А почему византійцы имѣли такой гербъ—это объясняютъ различно. Одни думаютъ потому, что мифологическій основатель города—Византъ считался сыномъ Посейдона—бога моря и нимфы-Кероессы (рогообразной), дочери Зевса и Іо (луны). Другіе—потому, что во время одного рѣшительнаго для грековъ сраженія, на небѣ появился полумѣсяцъ, послѣ чего побѣда осталась за ними.

благодаря любезности посла, былъ приглашенъ въ другое зданіе, вблизи дворца, предназначенное для дипломатическаго корпуса, который обыкновенно въ это время почти всегда бываетъ въ полномъ составѣ. Въ нашей комнатѣ толпятся иностранцы; они сгруппировались кучками около оконъ и по залѣ раздается ихъ разноязычный разговоръ. Предъ домою широкая, усыпанная пескомъ площадка, по ту сторону которой изъ-за зелени садовъ выглядываетъ Ильдызъ-Кюскъ, а почти прямо противъ дома для иностранцевъ мечеть Гамидіэ—небольшая, но чрезвычайно красивая. Масса готическихъ оконъ, опутывающія ее кругомъ тонкія скульптурныя украшенія, изящный, стройный минаретъ—все придаетъ ей необыкновенную граціозность и воздушность. Ея мраморныя стѣны ослѣпительно блестятъ подъ знойными лучами полуденнаго солнца. Изъ нашей комнаты прекрасно видны всѣ приготовленія къ торжественному шествію падишаха. По обѣ стороны улицы шпалерами выстраиваются войска, поражающія наблюдателя необыкновенной пестротой своихъ костюмовъ. Укаждаго полка своя форма. Особенно оригиналенъ полкъ, состоящій изъ негровъ и зуавовъ, одѣтыхъ въ очень своеобразные мундиры. Среди войскъ мелькаютъ ихъ начальники, снующіе взадъ и впередъ пѣшкомъ, или гарцующіе на красивыхъ арабскихъ лошадяхъ. Но вотъ съ высоты минарета доносятся до насъ высочайшія трели и весьма сложныя рулады своеобразнаго тембра. Это—виртуозъ муэдзинъ, призывающій правоверныхъ на молитву, давая вмѣстѣ съ тѣмъ знать, что скоро начнется церемоніальное шествіе султана въ мечеть. Глаза всѣхъ устремились по направленію къ дворцу. Вскорѣ показался и султанъ. Онъ ѣхалъ въ открытой коляскѣ, которую везли пара роскошныхъ лошадей, обфлоснѣжной масти; противъ него сидѣлъ одинъ изъ заслуженнѣйшихъ пашей, кажется военный министръ; а до недавняго времени занималъ это почетное мѣсто знаменитый Плевненскій герой-Гази Османъ паша, теперъ скончавшійся. Самъ султанъ въ фескѣ, нѣсколько сгорбленный, пожилой мужчина съ энергичнымъ, угрюмымъ лицомъ, прикладывалъ руку ко лбу и губамъ, отвѣчая на шумныя привѣтствія войскъ и поклоны иностранцевъ. За коляскою султана слѣдовала многочисленная свита верхами и нѣсколько каретъ съ дамами гарема. Слѣдовали также нѣсколько ве-

ликолѣпныхъ лошадей, безъ сѣдоковъ, ведомыхъ за узды придворными конюшими. Одна изъ нихъ, шедшая отдѣльно и обращающая на себя особенное вниманіе своею породистою красотою—даръ нашего Государя султану. Пока султанъ молился въ мечети (около получаса), знатныхъ иностранцевъ, какъ гостей султана, угощали чаемъ, кофе и сигарами. Дамы гарема не входили въ мечеть, а, сидя въ каретахъ, наблюдали церемонію около нея. Обратнo султанъ проѣхалъ въ экипажѣ одинъ на гнѣдыхъ лошадяхъ, которыми правилъ самъ. За его коляскою бѣжитъ свита. Войска снова кричатъ привѣтствія, и церемонія кончается. Иностранцы разѣзжаются, обгоняя другъ друга, войска возвращаются въ свои казармы при звукахъ воинственныхъ маршей съ неизмѣннымъ громовымъ турецкимъ барабаномъ. Мы снова ѣдемъ среди красивыхъ садовъ; на дорогѣ чаще, по случаю праздника, встрѣчаются закутанныя, словно муміи, турчанки; другія сидятъ, какъ „изваянья гробовыя“, кучками около своихъ садовъ. Насъ обгоняютъ кареты гаремныхъ дамъ, въ которыхъ мелькаютъ огненные глаза красивыхъ турчанокъ, выѣхавшихъ по случаю праздника на прогулку, подъ надзоромъ безстрастныхъ евнуховъ.

Всѣ иностранцы съ селамлика отправляются обычно на радѣнія вертящихся дервишей, секты ордена Мевлеви. Дервиши—мевлевиты, теккешъ (монастырь) которыхъ находится на главной улицѣ Перы почти противъ русскаго консульства, начинаютъ свое страстное богослуженіе около часу. Къ нимъ поѣхали и мы. Монастырь вертящихся дервишей расположенъ во дворѣ, усаженномъ деревьями. Верченіе еще не начиналось и начнется только тогда, когда соберутся иностранцы съ селамлика, приблизительно черезъ ½ часа. Пришлось ждать. Въ ожиданіи гуляли по главной улицѣ Перы. Улица сравнительно съ другими широкая, но уже самой узкой Московской. Нижній этажъ почти всѣхъ домовъ занятъ магазинами и кофейнями. Торгуютъ преимущественно иностранцы, внѣшняя обстановка магазиновъ не отличается роскошью. Верхній этажъ занятъ большею частію отелями, кафе-шантанами; здѣсь-же помѣщается два убогихъ театра. Книжныхъ магазиновъ, на которые мы обратили особенное вниманіе, знакомясь съ главною улицею Перы, немного, и всѣ они въ рукахъ иностранцевъ. Книги на всѣхъ

языкахъ. Много русскихъ, преимущественно такихъ, которыхъ нельзя печатать въ Россіи. Въ окнахъ одного магазина были выставлены, напримѣръ, полное изданіе „Воскресенія“ Толстого, полное собраніе сочиненій Пушкина, Жизнь Иисуса Христа Ренана, и др. Цѣны очень высокія. Въ нѣкоторыхъ магазинахъ Перы виднѣются портреты нашихъ Государя и Государыни. Въ Перѣ часто останавливали насъ нищіе, большею частію женщины съ дѣтьми, жалобными возгласами: „он пара“ (одну копѣйку) или „давай паричку“. Въ доказательство того, что они христіане, крестились.

Около двухъ часовъ дервиши отворили двери своего монастыря и впустили собравшихся мусульманъ и иностранцевъ въ залъ, въ которомъ должны происходить радѣнія. Залъ довольно большой и круглый; кругомъ галлерей, вверху по бокамъ за рѣшетками, разрисованными по восточному, помѣщаются женщины; сзади—хоръ пѣвчихъ и иностранцы. Последніе-же занимаютъ и заднюю часть нижней галлерей, въ остальныхъ частяхъ которой размѣщаются, поджавъ подъ себя ноги, мусульмане несектанты.—Когда всѣ усѣлись, рѣшетка, отдѣлявшая галлерей отъ середины зала, распахнулась, медленно стали входить вертящіеся дервиши и началось ихъ странное богослуженіе. Всѣ дервиши (человѣкъ 25)—въ широкихъ плащахъ, накинутыхъ на плечи и высокихъ коричневыхъ войлочныхъ шапкахъ, босикомъ. Лица ихъ носятъ слѣды истощенія и какого то—не то оупѣнія, не то сосредоточенности. Особенно обращаетъ на себя вниманіе ихъ шейхъ въ зеленомъ плащѣ и шапкѣ, обвитой внизу зеленымъ полотенцемъ. Онъ невысокаго роста, лицо совершенно сухое и безстрастное, глубоко ввалившіеся въ орбиты глаза смотрятъ какъ то загадочно. Шейхъ всталъ въ срединѣ у входа, другіе дервиши на равномъ разстояніи другъ отъ друга у рѣшетки зала, музыканты съ флейтами и барабанами и пѣвчіе поднялись на верхъ. Шейхъ и всѣ дервиши стоятъ съ глубокимъ благоговѣніемъ, потупивъ глаза и сложивъ руки на груди. Среди нихъ виднѣется нѣсколько очень молодыхъ, одинъ мальчикъ. Поджавъ подъ себя ноги, садится на полъ шейхъ, а за нимъ и всѣ остальные дервиши, и начинается молитва. Шейхъ что то читаетъ, дервиши съ завываніемъ падаютъ на сложенные впередъ руки и снова поднимаются. По окончаніи молитвы, вслѣдъ за шейхомъ всѣ встаютъ. Вверху начи-

нается музыка и пѣніе. Сначала тонко и жалобно поетъ флейта, ее начинаетъ перебивать барабанъ, звуки все усиливаются и, наконецъ, начинаетъ пѣть хоръ; раздаются странный, не подчиняющійся никакимъ музыкальнымъ законамъ, концертъ. И дервиши, подѣ звуки концерта, начинаютъ вертѣться, впрочемъ, по очень строгому церемоніалу. Сбросивъ съ себя плащи и оставшись въ бѣлыхъ юбкахъ и кофтахъ съ широкими рукавами, они чинно подходили другъ за другомъ къ шейху, кланялись ему и другъ другу и совершенно по театральному, съ поднятыми вверхъ руками, начинали вертѣться. Когда поклонилась послѣдняя пара, завертѣлся весь залъ. Верченіе послѣ маленькихъ промежутковъ начиналось три раза, причемъ съ каждымъ разомъ музыка и хоръ становились громче и безалабернѣе, а дервиши вертѣлись скорѣе, хотя не измѣняли позы и не сталкивались между собою. Отъ быстрого верченія лица дервишей блѣднѣли, глаза закрывались, одежда раздувалась и вообще они производили впечатлѣніе экзальтированныхъ, а вверху раздавался такой отчаянный концертъ, что становилось страшно. И дѣйствительно, нѣкоторые не дождались конца такого своеобразнаго богослуженія; съ двумя дамами сдѣлалось дурно. На насъ богослуженіе дервишей произвело очень тяжелое впечатлѣніе.

Что означаютъ собою верченія дервишей—существуютъ различныя объясненія. Одни ставятъ ихъ въ связь съ общимъ религіознымъ міросозерцаніемъ дервишей, другіе—считаютъ ихъ дѣломъ случая. По мнѣнію первыхъ, дервиши—природопоклонники; своими верченіями они символически изображаютъ обращеніе планетъ вокругъ центральнаго свѣтила, отъ чего происходитъ перемѣна временъ года. По мнѣнію вторыхъ, обрядъ верченія появился у дервишей совершенно случайно. Мусульманскій святой Али, согласно преданію, когда услыхалъ объ одной побѣдѣ Магомета надъ невѣрными, отъ радости захопалъ въ ладоши и перевернулся нѣсколько разъ на пяткахъ. Это обстоятельство положило начало сектѣ. Несомнѣнно одно, что верченія дервишей не являются теперь какъ-бы случайнымъ выраженіемъ ихъ глубокаго молитвеннаго настроенія, экстаза, а скорѣе—строго обдуманной, по извѣстному плану совершаемой церемоніей, какимъ то театральнымъ представленіемъ, отъ чего много теряютъ въ интересѣ. Какъ бы тамъ ни было, но верченіе дервишей, раз-

смаатриваемое съ точки зрѣнія формы ихъ богослуженія, какъ молитвенный подвигъ, которымъ они хотятъ заслужить себѣ. предопредѣленное небомъ, мѣсто въ раю—заслуживаетъ особеннаго интереса и наводитъ на многія думы, съ какими мы и оставили эту мусульманскую обитель.

Въ подворье мы вернулись отъ дервишей около 3^{1/2} часовъ, и тотчасъ послѣ обѣда отправились, по приглашенію помощника настоятеля посольской церкви о. Сергія Орлова, въ кварталъ Панкальди, гдѣ находится больница и русская школа. Преосвященный съ профессорами отправились въ фэйетонъ, а мы — по конкѣ, уплативъ за станцію по два піастра (20 к.) съ человѣка. Кондукторъ конки—широко-скулый веселый турокъ, которому мы объяснили знаками, куда ѣдемъ, обѣщавъ намъ указать, когда надо слѣзть, чтобы попасть въ „госпиталь московъ“. Поэтому мы сидѣли спокойно до тѣхъ поръ, пока онъ, а за нимъ и другіе турки не замахали руками и не закричали: „госпиталь московъ, московъ!“ Впрочемъ и безъ этого мы узнали о близости русской больницы по доносившемуся до насъ гармоническому колокольному звону съ колокольни при русской больничной церкви, въ честь Преосвященнаго. Слѣзши съ конки и повернувъ влѣво въ переулокъ, мы среди бѣгущей толпы, освѣдомленной о предполагаемомъ посѣщеніи Преосвященнымъ больницы, скоро достигли храма.

На паперти Преосвященнаго встрѣтилъ весь служащій больничный персоналъ во главѣ съ старшимъ врачомъ больницы В. П. Щепотьевымъ и сестрами милосердія. Въ самомъ же храмѣ, наполненномъ народомъ, встрѣтилъ Преосвященнаго въ облаченіи и съ крестомъ настоятель этой церкви о. Сергіій Орловъ съ діакономъ Махровымъ. О. Сергіій привѣтствовалъ Преосвященнаго задушевною рѣчью, въ которой отъ себя и всей русской колоніи выразилъ радость по поводу посѣщенія первымъ русскимъ Архипастыремъ этого русскаго храма. Облачившись въ мантию, Преосвященный при стройномъ пѣніи школьниками и Пантелеймоновскими монахами „Достойно“ направился на солею и въ алтарь, гдѣ прикладывался къ иконамъ и престолу. Послѣ обычнаго краткаго молебна, Преосвященный обратился къ собравшимся съ пространною рѣчью, въ которой развилъ мысль о значеніи *русскаго храма* въ разноплеменномъ градѣ *для объединенія православныхъ на-*

родностей. „Храмъ сей, говорилъ Преосвященный, объединяя подъ своими сводами въ молитвѣ лицъ разныхъ народностей—русскихъ, сербовъ, болгаръ, грековъ — является прекраснымъ выразителемъ идеи церковнаго христіанскаго единства, основаннаго на единой вѣрѣ въ Единаго Господа Иисуса Христа, въ Которомъ, по Апостолу, *нѣсть іудей, ни эллинъ: нѣсть рабъ, ни свободъ: но вси едино о Христѣ Иисусѣ* (Галат. 3, 28). Русскій храмъ, устрояемый въ чужой странѣ и предназначенный для молитвы православныхъ различныхъ національностей, долженъ служить въ большей или меньшей мѣрѣ показателемъ нашего церковнаго и религіознаго строя на родинѣ, въ Россіи; долженъ отличаться благоустройствомъ и благолѣпіемъ. Благолѣпный сей храмъ наполняетъ мое сердце неизреченною радостію.. Благословеніе Господне да пребудеть на устроителяхъ и благоуукрашителяхъ этого храма во славу Божию и въ честь русскаго имени“. Перейдя затѣмъ къ специальному назначенію этого храма, какъ храма „больничнаго“, Преосвященный указалъ на то благотворное значеніе, какое имѣютъ подобныя храмы для больныхъ. Въ заключеніе Преосвященный, указавъ на пользу устроенной здѣсь больницы, дающей пріютъ и облегченіе больнымъ, вспомнилъ съ благодарностію, что и онъ на себѣ испыталъ благотѣльное значеніе ея. „Не могу не вспомнить съ чувствомъ благодарности, что и я, 16-ть лѣтъ тому назадъ, въ качествѣ болящаго паломника возлежалъ здѣсь на одрѣ болѣзни. Но жестокая лихорадка, схватившая меня тогда, скоро оставила свою мучительную силу, благодаря любвеобильному уходу приставленныхъ облегчать страданія тѣлесныя“.

Преосвященный, преподавъ всѣмъ благословеніе, сталъ съ нами разсматривать храмъ въ сопровожденіи о. Сергія и церковнаго старосты Щепотьева. Храмъ во имя святителя Николая, освященный 15-го іюня 1876 года, „соружень,—какъ значитъ на металлической дощечкѣ, прикрѣпленной надъ церковнымъ ящикомъ на внутренней стѣнѣ храма,—усердіемъ бывшаго посла графа Н. П. Игнатьева, при содѣйствіи игумена русскаго Аѳонскаго Пантелеймонова монастыря о. архимандрита Макарія съ братіей“. Храмъ выглядит теперь точно новый, благодаря недавней реставраціи его, произведенной усердіемъ недавно избраннаго на должность церковнаго ста-

росты доктора Щепотьева и стараніямъ о. С. Орлова. Стѣны храма росписаны заново масляною краскою съ живописными иконными изображеніями въ центральномъ куполѣ и въ алтарной абсидѣ; иконостасъ блеститъ вычищеною позолотою; иконы—художественной работы въ строго православномъ духѣ; особенно эффектна запрестольная большая икона Спасителя, написанная на стеклѣ въ Петербургѣ; утварь и ризница храма—прямо роскошны. Храмъ въ воскресные и праздничные дни, по словамъ о. Орлова, всегда бываетъ полонъ молящимися разныхъ національностей, преимущественно же славянъ, приходящихъ въ русскій храмъ, чтобы слышать божественную службу на славянскомъ языкѣ. Хоръ, который мы слышали, поетъ очень хорошо. Основу хора составляютъ мальчишки-школьники русской школы и четыре монаха Аѳонскаго Пантелеймоновскаго монастыря, живущіе здѣсь же. Въ дѣлѣ устройства хора принимаетъ большое участіе самъ о. Сергій, любитель церковнаго пѣнія и знающій его, а также и матушка его, участвующая въ хорѣ.

Насладившись благолѣпіемъ храма, мы черезъ прекрасный садъ направились въ больницу, помѣщающуюся въ большомъ домѣ. Въ сопровожденіи старшаго доктора и старшей сестры мы посѣтили всѣ больничныя палаты, наполненныя больными. Преосвященный утѣшалъ больныхъ и благословлялъ православныхъ иконами Преподобнаго Сергія и крестиками. Благословеніе принимали и инославные. А одинъ изъ тяжело больныхъ, католикъ—полякъ, даже попенялъ на Преосвященнаго, спросившаго его, принимаетъ ли онъ благословеніе православнаго русскаго Архіерея.

„Отецъ Святой!“ съ дрожаніемъ въ голосѣ отвѣтилъ больной. „Развѣ мы не христіане? Развѣ не всѣ мы дѣти одного Отца небеснаго? Развѣ я не вѣрую во Христа Искупителя?.. Благослови меня грѣшнаго, Святой отецъ!“

При послѣднихъ словахъ онъ схватилъ благословляющую руку Преосвященнаго и сталъ покрывать ее поцѣлуями, а икону Преподобнаго возложилъ на впалую грудь свою, говоря, что съ нею и умретъ.

Обзоръ больницы произвелъ на насъ самое отрадное впечатлѣніе. Она благоустроена, комнаты для больныхъ и для разныхъ другихъ назначеній, общія залы просторны и свѣтлы, а главное безусловно чисты; воздуху много; боль-

ничнаго специфическаго запаха, благодаря вентиляціямъ, почти не слышно. Больницу завѣдуютъ два врача; служатъ здѣсь шесть сестеръ милосердія. Больница содержится на сборъ съ русскихъ туристовъ и поклонниковъ, проѣзжающихъ мимо города или черезъ городъ, по 75 к. съ чело-вѣка, данью съ каждаго русскаго парохода, останавливающагося въ Константинополь, по 1 к. съ тонны, частными пожертвованіями и пр. Необходимость ея для города, чрезъ который ежегодно въ послѣднее время проходитъ до 10000 русскихъ, несомнѣнна. Впрочемъ, и не одни русскіе находятъ здѣсь пріютъ въ случаѣ болѣзни. По существующимъ здѣсь отчетамъ видно, что въ больницы на излеченіи бывають кромѣ русскихъ—турки, болгары, черногорцы, сербы, греки, армяне, евреи.

Изъ больницы отправились мы, по приглашенію, къ о. Сергію, подъ гостепримнымъ кровомъ котораго провели около двухъ часовъ въ русскомъ кружкѣ. Нужно быть на чужбинѣ, чтобы оцѣнить то душевное удовольствіе, какое испытывается отъ пребыванія среди „своихъ“. Тутъ среди разговора всѣми высказано было желаніе, какъ было бы хорошо, если бы можно было устроить здѣсь русскую архіерейскую службу. Преосвященный на это отвѣтилъ, что это—и его желаніе, но, къ прискорбію, по нѣкоторымъ независящимъ отъ него обстоятельствамъ, о которыхъ „удобѣ теперь молчаніе“, этого законнаго желанія нельзя осуществить... Съ чувствомъ благодарности къ радушнымъ хозяевамъ, мы съ Преосвященнымъ уѣхали домой—на подворье, а профессора отправились въ Шашли, въ Болгарскую семинарію, гдѣ были приняты семинарскою администраціею съ особенною радостію. Профессора остались весьма довольны внѣшнимъ благоустройствомъ семинаріи и внутреннимъ, насколько успѣли ознакомиться съ этимъ со словъ членовъ семинарской администраціи.

10-е Іюня. Суббота. Въ музеѣ. Отъѣздъ изъ Константинополя.

Послѣднюю ночь въ Константинополь спали такъ же плохо, какъ и первую. Къ крику разносчиковъ нельзя привыкнуть. Впрочемъ нельзя было долго спать и потому, что сегодня въ 4 часа мы выѣзжаемъ изъ Константинополя. Пароход-

ный вопросъ рѣшенъ: мы ѣдемъ на Аѳонъ. Вчера вечеромъ зашелъ любезнѣйшій агентъ общества Н. А. и сообщилъ, что мы можемъ пробыть на Аѳонѣ только недѣлю, какъ намъ и хочется, такъ какъ въ слѣдующую субботу мимо Аѳона пойдетъ пароходъ Русскаго общества въ Россію и въ Дарданелахъ встрѣтится непременно съ другимъ пароходомъ, идущимъ изъ Одессы въ Яффу, на который мы и можемъ пересѣсть.

Утро послѣдняго дня пребыванія въ Константинополь мы посвятили обзорѣнью музеевъ. Музеевъ въ Константинополь три. Музей оружія—въ бывшей церкви св. Ирины, гдѣ происходилъ 2-ой вселенскій соборъ. Въ этотъ музей доступъ возможенъ только съ разрѣшенія самого султана и требуетъ много хлопотъ. Далѣе—музей янычаръ, въ которомъ собрана коллекція чучель, представляющихъ собою старинную одежду и вооруженіе янычаръ. На осмотръ этого музея у насъ не хватало времени, да и онъ самъ, по словамъ Преосвященнаго, посѣтившаго его въ первый пріѣздъ въ Константинополь, не представляетъ ничего особенно интереснаго. Гораздо интереснѣе третій музей, музей древностей, собранныхъ изъ всѣхъ странъ востока, прилегающихъ къ Средиземному морю, т. е. изъ тѣхъ странъ, въ которыхъ совершалась древняя исторія. Музей древностей находится въ Стамбулѣ, въ двухъ зданіяхъ—старомъ и новомъ. Въ саду, примыкающемъ къ музею, много древнихъ гробницъ и скульптурныхъ изображеній греческихъ боговъ, но все это въ страшномъ запустѣніи: гробницы заросли травой, боги—съ отбитыми носами. Внутри музей нѣсколько благоустроеннѣе и содержится опрятно. Здѣсь собрана довольно богатая коллекція образцовъ скульптуры и керамики грековъ, есть прекрасныя статуи греческихъ боговъ, много мумій и скульптурныхъ изображеній древняго Египта; среди нихъ прекрасно сохранившійся въ теченіи нѣсколькихъ тысячелѣтій скелетъ египетскаго царя Тибинета, помѣщенный подъ стекломъ. Есть очень древнія находки, покрытыя куническими клинообразными письменами, которыя мы, не безъ успѣха, пробовали разбирать. Но болѣе всего обращаютъ на себя вниманіе въ музей древніе греческіе саркофаги,—особенно одинъ изъ нихъ, чудной работы, извѣстный подъ именемъ саркофага Александра Македонскаго. Громадный бѣло-мраморный саркофагъ прекрасно

сохранился. Съ четырехъ сторонъ онъ украшенъ высѣченными изъ мрамора горельефами, изображающими сцены изъ жизни умершаго: охоты, пиры, битвы. Изящество отдѣлки и оригинальность замысла, тонкій художественный вкусъ дѣлаютъ этотъ древній саркофагъ образцомъ совершенства. Мраморныя миниатюрныя фигуры людей и животныхъ на саркофагѣ кажутся живыми. Жившій нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ творецъ этого саркофага не только прекрасно зналъ анатомію, но и былъ величайшимъ художникомъ, способнымъ вдохнуть жизньъ въ холодный мраморъ. Изображенія людей дышатъ жизненностью; они индивидуальны, лица вполне выражаютъ тѣ мысли и чувства, какія соотвѣтствуютъ окружающей обстановкѣ; вообще художественности работы въ правѣ позавидовать любой современный скульпторъ. Есть въ музеѣ и отдѣлъ христіанскихъ древностей: иконы, кресты и пр., но очень не великъ для древней Византіи. Въ общемъ наличность музея, принимая во вниманіе историческое значеніе древней Византіи и мѣсть, прилегающихъ къ Мраморному, Ионическому и Средиземному морямъ, могла бы быть значительно богаче, чѣмъ теперь. Но сравнительная бѣдность его находитъ отчасти объясненіе въ томъ, что турки только въ послѣднее время стали нѣсколько интересоваться археологіею.

Что касается вообще состоянія уметственной жизни въ Константинополѣ, то насколько мы сами могли въ такое короткое время понаблести, да и по рассказамъ здѣшнихъ знатоковъ Востока, пульсъ ея здѣсь бьется крайне слабо. Самостоятельной науки у турокъ нѣтъ, за исключеніемъ математики, которая, вѣроятно по наслѣдству отъ предковъ, сохранилась у нихъ и, говорятъ, процвѣтаетъ. Изъ искусствъ у нихъ процвѣтаетъ только архитектура. Живописи они не признаютъ: художественныхъ музеевъ нѣтъ совсѣмъ. Съ поэзіею мы конечно, благодаря незнацію языка, не могли познакомиться, но, по словамъ знающихъ людей, это искусство находится въ плачевномъ состояніи у турокъ, хотя стиховъ здѣсь появляется и много. Собственнаго, серьезнаго театра у турокъ нѣтъ. Общественныя развлечения исчерпываются убогими кафе-концертами и циркомъ. Нечего и говорить о томъ, какъ безцвѣтна ихъ общественная жизнь и мало развита самодѣятельность. Многочисленныя газеты,

издаваемые въ Константинополѣ, принадлежатъ, главнымъ образомъ, иностранцамъ, руководящимъ здѣшнимъ общественнымъ мнѣніемъ, французамъ (напр. Servet), англичанамъ (The oriental advertiser), грекамъ (*Ταχὺδρομος*, *Κοινακτικὸς λόγος* и пр.) и другимъ. Вообще культурная жизнь тутъ мирно дремлетъ, какъ говорятъ обыкновенно, подъ суровой опекой турецкой полиціи и подъ убаюкивающимъ вліяніемъ Корана.....

Возвратившись изъ музея и пообедавъ, мы поднялись на кровлю подворья, въ церковь, гдѣ былъ отслуженъ напутственный молебенъ. Пѣли мы вмѣстѣ съ Преосвященнымъ и профессорами. Послѣ молебна, простившись съ любезными монахами подворья, напутствовавшими насъ всевозможными благопожеланіями, до скорого свиданія, мы отправились по знакомой дорогѣ къ пристани, гдѣ уже стоялъ пароходъ Русскаго общества „Нахимовъ“, отходящій въ Яффу круговымъ рейсомъ мимо Аѳона.

Пантелеймоновскіе и Андреевскіе монахи, сестры милосердія изъ русской больницы вмѣстѣ съ докторомъ Щепотьевымъ пришли на пароходъ провожать насъ, а настоятель Андреевскаго подворья о. Софроній, монахи: Варнава, Анѳимъ и нѣсколько другихъ отправлялись вмѣстѣ съ нами на торжество освященія собора въ Андреевскомъ Аѳонскомъ скиту. Присоединился къ намъ о. С. Орловъ, также отправлявшійся на Аѳонъ.

Въ четыре часа „Нахимовъ“ снялся съ якоря и, обогнувъ мысъ Стамбула, вышелъ въ Мраморное море. Снова предъ нами обрисовался направо залитой золотыми лучами солнца Стамбуль, налѣво—утопающій въ зелени кипарисовъ Скутари. День до того жаркій, что городъ кажется задернутымъ тонкою дымчатою пеленою. Море вдали голубое, а около самого парохода бирюзовое; пассажиры подходятъ къ борту парохода любоваться водою. Благодаря протекціи Ник. Ар. Иванова и любезности капитана Нахимова Владиміра Черногорчевича, мы устроились прекрасно, отдѣльно отъ всѣхъ, на кормѣ парохода около перваго класса. Здѣсь, кромѣ Преосвященнаго, профессоровъ и другихъ членовъ нашей компаніи было нѣсколько явныхъ и, какъ говорили, тайныхъ корреспондентовъ и богомольцевъ, отправлявшихся на торжество освященія новаго храма въ Андреевскомъ скиту.

Старикъ „Нахимовъ“ плавно скользитъ по зеркальной поверхности Мраморнаго моря. Синеватая даль мало по малу заволакиваетъ отъ насъ городъ. Направо уже виднѣется историческое Санъ-Стефано. Въ бинокль можно съ борта парохода разглядѣть недавно построенную и торжественно освященную русскую церковь-памятникъ. Наконецъ, и городъ и его окрестности совершенно заволокло отъ насъ синеватую дымкой и по обѣ стороны парохода только слабо обрисовывались силуеты гористыхъ береговъ—европейскаго и азиатскаго. Звонокъ извѣстилъ классныхъ пассажировъ о времени ѣды и мы повечеряли по-паломнически просто, доставъ корзины, которыми насъ снабдилъ въ дорогу любезный о. Евгений. Жара спала. Ночь опускалась надъ моремъ. Море словно дремало. Только тихій всплескъ волнъ, разсѣкаемыхъ пароходомъ, и монотонный стукъ винта нарушалъ торжественную тишину ночи. Вечеръ этого дня закончился богослуженіемъ, совершеннымъ по случаю кануна воскресенья на палубѣ парохода съ благословенія Преосвященнаго и разрѣшенія капитана. Всенощную служилъ о. Анастасій, пѣли мы вмѣстѣ съ Преосвященнымъ и профессорами и присоединившимися къ нашему хору нѣкоторыми изъ богомольцевъ. Богослуженіе, не смотря на простоту обстановки, было очень торжественно. Всѣ пассажиры во главѣ съ капитаномъ собрались на палубу. Турки-мусульмане съ большимъ интересомъ слѣдили за всѣмъ происходившимъ, которое, повидимому, произвело на нихъ сильное впечатлѣніе. Самая обстановка богослуженія была необычайна: надъ молящимися вмѣсто церковнаго купола раскинулось темносинее небо, восковыя свѣчи замѣняли мириады ярко блестящихъ звѣздъ, стройное пѣніе далеко разносилось по безбрежному пространству моря. Богослуженіе совершалось передъ прекрасною иконою Касперовской Божіей Матери, которую везъ одинъ изъ паломниковъ на Афонъ, въ даръ Андреевскому скиту.

Услыши ны, Боже, Спасителю нашъ, упованіе всѣхъ концевъ земли и сущихъ въ мори далече...

(Продолженіе слѣдуетъ).